

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ COUNTER-TERRORISM *проблемы XXI века*

Информационно-аналитический и научно-практический журнал

ИЗДАЕТСЯ ПРИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Министерства иностранных дел Российской Федерации
Московского антикоррупционного комитета при МТПП

УЧРЕДИТЕЛЬ:

НП «Международный центр научных исследований
проблем противодействия терроризму»
(НП «МЦПТ»)

ИЗДАТЕЛЬ:

ЗАО «Издательство современная экономика и право»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ НОМЕР

ПИ № ФС 77 – 42949 от 10.12. 2010

ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)

[HTTP://WWW.ELIBRARY.RU/DEFAULTX.ASP](http://www.elibrary.ru/defaultx.asp)

Компьютерная верстка: Т.Н. Балабанова
Корректура: Т.Н. Акулова

Подписано в печать 22.04.2013 г.
Отпечатано в типографии
«Технологии рекламы», 127051,
г. Москва, Цветной бульвар, д. 24/2
Заказ № 1215
Заявленный тираж 10000 экз.

Адрес Редакции:
117218, Москва, ул. Б. Черёмушкинская, д.34
(ЗАО «Издательство современная экономика и право»)
Тел./факс: (499) 120 – 0095
E-mail: nalogi@ropnet.ru
www.nalog-pravo.ru

Взгляды и мнения авторов не всегда совпадают с позицией
Редакционной коллегии
Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ЗАО «Издательство современная
экономика и право»

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Т.Н. Москалькова / T. Moskalkova.
Борьба с организованной преступностью
в России и на пространстве СНГ
(The fight against organized crime in Russia and CIS)2

Ю.В. Латов / U. Latov.
Терроризм в постиндустриальном обществе
(парадоксы «технологического терроризма»)
(Terrorism in the post-industrial society
(paradoxes of «technological terrorism»)).....9

БОРЬБА С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА

М.В. Кешнер / M. Keshner.
Международные санкции в стратегии борьбы
с финансированием терроризма
(The international sanctions in strategies against
the financing of terrorism)26

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Н.А. Коровникова / N. Korovnikova.
Патриотизм как основа ментальной безопасности России
(Patriotism as basis of Russia's mental security).....31

К. Коломин / K. Kolomin.
Арктический вектор безопасности
(Arctic vector of security).....35

МОЛОДЕЖЬ – ПРОТИВ НАРКОТИКОВ

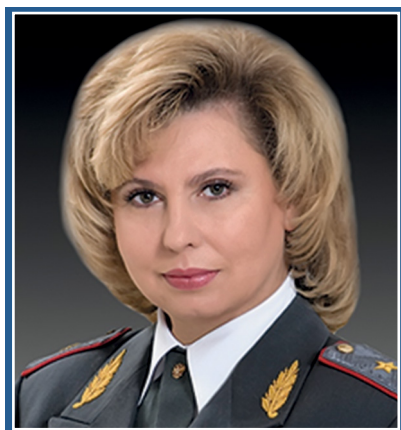
(ПРЕСС-РЕЛИЗ) Всероссийская научно-практическая
конференция по вопросам совершенствования мер,
направленных на сокращение спроса на наркотики
в молодежной (студенческой) среде40

(РЕЗОЛЮЦИЯ) участников Всероссийской
научно-практической конференции по вопросам
совершенствования системы мер, направленных
на сокращение спроса на наркотики
в молодежной (студенческой) среде.....42

(ОБРАЩЕНИЕ) к делегатам Второго съезда
Всероссийского волонтерского антинаркотического движения ..45

Трибуна молодого журналиста

Е. Добрякова
Третий понедельник апреля 201346

Т.Н. Москалькова / T. Mosalkova

депутат Государственной Думы Российской Федерации, заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связи с соотечественниками, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, генерал-майор МВД

Борьба с организованной преступностью в России и на пространстве СНГ¹

The fight against organized crime in Russia and CIS

Статья посвящена вопросам организации противодействия организованной преступности в современной России и странах-участницах Содружества Независимых Государств. Автор анализирует как национальное законодательство Российской Федерации, так и межгосударственную нормативно-правовую базу в данной сфере. Отдельное внимание уделено сущностной характеристике организованных преступных сообществ, в том числе этнических и транснациональных. Излагается практика взаимодействия правоохранительных органов России и стран СНГ в вопросах борьбы с транснациональной преступностью.

Ключевые слова: организованная преступность, преступное сообщество, транснациональная преступность, борьба с преступностью, взаимодействие

Проблема организованной преступности и выработки методов борьбы с ней возникла в Российской Федерации во второй половине 80-х гг. XX в., с момента принятия решений о кардинальном изменении экономической основы и социально-политического строя государства, по-

The article is devoted to the problems of combating organized crime in Russia and states members countries of the Commonwealth of Independent States today. The author analyzes both national legislature of Russian Federation and inter-state legal base in this sphere. Special attention is paid to the characteristic of organized criminal communities, including ethnic and transnational criminal groups. The practice of interaction between law enforcement officials of Russia and CIS-countries in combating transnational crime is also described.

Keywords: organized crime, criminal community, transnational crime, combating crime, interaction

скольку именно в это время распространились и приняли системный характер криминальные отношения в различных сферах государственной и общественной жизни.

Организованная преступность – это сложное, латентное общественно опасное социальное

¹ Основу настоящей статьи составил текст выступления автора на Международной конференции «Борьба с организованной преступностью, коррупцией и политическим экстремизмом» (г. Москва, 12 ноября 2012 г.) // http://moscalkova.ru/allnews/konferenciya_na_temu_puti_uluchsheniya_mezhdunarodnogo_sotrudnichestva_v_bor_bes_organizovannoj_prestupnost_yu_v_evrope/

явление, заключающееся в создании устойчивой и самовоспроизводящейся криминальной системы с целью осуществления преступной деятельности, направленной на установление контроля за экономическими, социальными и политическими сферами жизни общества, с целью извлечения незаконных доходов и регулирования общественных процессов в собственных интересах. По оценкам экспертов, в разных регионах с ней прямо или опосредованно связаны от 20 до 80 % граждан.

В результате деятельности преступных сообществ происходит незаконное изъятие из государственного, банковского или коммерческого оборота значительных материальных и денежных средств. Экспертами правоохранительных органов отмечается, что около 80% предприятий среднего и малого бизнеса находятся под контролем преступных организаций, что криминализирует экономику, способствует сокрытию налогов и повышению цен на товары и услуги.

Поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Президентом России (Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537), в качестве одного из условий повышения качества жизни российских граждан и обеспечения национальной безопасности обозначена борьба с организованной преступностью. Негативные проявления организованной преступности являются далеко не последним фактором процессов оттока капитала из России. Так, в 2008 году страна потеряла \$133,9 млрд., в 2009 – \$56,9 млрд., в 2010 – \$35,3 млрд. В 2011 году отток капитала составил \$84,2 млрд., а за 5 месяцев 2012 г. – \$46,5 млрд.

Развитие организованной преступности в России во многом повторяет путь преступных организаций в большинстве зарубежных стран, где криминалитет, объединенный в строго иерархичные и четко структурированные преступные формирования, используя проблемы в политической и социально-экономической жизни, брал под контроль доходные отрасли как легальной экономики, так и теневого бизнеса. В результате в руках преступных сообществ аккумулировались огромные материальные и финансовые средства.

Представители российской уголовно-преступной среды также демонстрируют свое стремление к проникновению во властные структуры на местном, региональном и даже федеральном уровне.

При этом следует разграничивать международные и этнические организованные преступные формирования. Признаки преступления транснационального характера указаны в ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.), ратифицированной Россией в апреле 2004 г. Статья 2 Конвенции также содержит понятие организованной преступной группы: «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду.

Этническое ОПФ – это организованное преступное формирование, в состав участников которого входит более 50% представителей не коренной для данного региона национальности, имеющих устойчивые связи между собой. Оно осуществляет самостоятельную деятельность на территории одного государства, предпринимает попытки проникновения в экономическую сферу бизнеса и налаживает связи криминального характера с законно действующими субъектами экономики и государственными структурами одной конкретной страны.

Как правило, существует условная криминальная специализация этнических ОПФ. Например, азербайджанскими группировками совершаются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, оружия, алкогольной продукции, а также разбои, кражи, которые направлены, в основном, на соотечественников. Основная направленность деятельности армянских ОПФ – преступления в сфере экономики, незаконные операции с драгоценными металлами и камнями, криминальный автомобильный бизнес, мошенничество, вымогательство, незаконный оборот наркотиков и оружия, незаконный обо-

рот алкогольной продукции. Грузинские ОПФ, возглавляемые «ворами в законе», занимаются разбойными нападениями, квартирными и автомобильными кражами, пытаются контролировать различные коммерческие структуры, организуют похищения богатых предпринимателей, как правило, своих соотечественников. Северокавказские ОПФ специализируются на завладении государственной собственностью, контроле над коммерческими структурами, банками, казино, гостиничным бизнесом, вымогательстве и выполнении заказных убийств, кражах автотранспорта, торговле наркотиками, грабежах, разбоях, незаконном обороте оружия, фальшивомонетничестве, торговле нефтепродуктами, контроле над лицами, занимающимся малым и средним бизнесом, предоставлением криминальных услуг коммерческим организациям.

В последнее время особое место в деятельности этнических группировок приобретают среднеазиатские ОГ и ПС, специализирующиеся в основном на незаконном обороте наркотиков, а также совершении насильственных, так называемых «уличных» преступлений (грабежи, разбои). Как правило, эти группировки характеризуются сплоченностью, строгой иерархией, конспирацией. Рядовые участники неприхотливы в быту и жестоки, трудностей в их наборе не имеется с учетом возрастающего количества въезжающих в Россию на заработки. Работа по профилактике и пресечению деятельности среднеазиатских ОГ и ПС осложняется из-за их мобильности, наличия большого количества этносов и языковых групп, закрытостью и семейственностью уроженцев одной территории, зачастую – отсутствия рабочего взаимодействия с правоохранительными органами среднеазиатских государств.

По имеющимся сведениям, представители отечественной организованной преступности уже имеют устойчивые связи с криминальными структурами более чем 40 зарубежных государств, одновременно продолжается и нарастает процесс интеграции иностранного криминалитета (прежде всего из стран ближнего зарубежья) в российскую организованную преступность.

В Уголовном кодексе РФ существует целый ряд статей, предусматривающих уголовную

ответственность за различные преступления, связанные с организованной преступностью (ст. 208). Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 209). Бандитизм (ст. 210). Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 282.1). Организация экстремистского сообщества.

По статистике, в 2011 г. организованными группами совершено 17691 преступлений (в 2010 г. – 22251, за 5 мес. 2012 г. – 7570, в том числе 359 в составе преступных сообществ, что на 76,8% больше в аналогичном периоде предыдущего года), из них 16933 тяжких и особо тяжких (в 2010 г. – 21241, за 5 мес. 2012 г. – 7354, что на 10,4% больше АППГ), в том числе 442 разбоя, 143 грабежа, 297 вымогательств, 1693 краж, 6781 мошенничеств (в 2010 г. – 7201, за 5 мес. 2012 г. – 2199, что на 42,1% больше АППГ).

Наибольшую опасность представляют структуры организованной преступности в форме банд и преступных сообществ, уголовная ответственность за создание которых и участие в них предусмотрена ст.ст. 209 - 210 УК РФ.

В 2011 году были выявлены 183 банды (2010 г. – 184, за 5 мес. 2012 г. – 119, что на 38,4% больше АППГ), 172 преступных сообщества (2010 г. – 172, за 5 мес. 2012 г. – 77, что на 8,5% больше АППГ). Расследовано 153 преступления с квалификацией «бандитизм» (2010 г. – 170, за 5 мес. 2012 г. – 66, - 5,7% – АППГ) и 114 преступлений с квалификацией «организация преступного сообщества» (2010 г. – 157, за 5 мес. 2012 г. – 33, +10,0% АППГ). Всего же в период с 2000 по 2011 г. окончены расследованием 1793 уголовных дела о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества).

За 2011 г. и 5 месяцев 2012 г. сотрудниками подразделений уголовного розыска раскрыты 9615 преступлений, совершенных в составе организованных групп и преступных сообществ, по ст. 209 УК РФ (бандитизм) выявлены 131 и раскрыты 129 преступлений, а по ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества) – 46, раскрыты 37 преступлений указанной категории.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде России, по ст. 208 УК РФ осуждены в: 2009 г. – 155 чел.; 2010 г. – 148 чел.; 2011 г. – 136 чел. По ст. 209 УК РФ осуждены в 2009 г. – 147 чел.; 2010 г. – 142 чел.; 2011 г. – 170 чел. По ст. 210 УК РФ осуждены в 2009 г. – 164 чел.; в 2010 г. – 190 чел.; в 2011 г. – 232 чел.

Одной из важных особенностей современной организованной преступной деятельности является ее транснационализация (установление контактов с международными криминальными структурами, активное совместное участие в отмывании незаконно добытых капиталов, наркобизнесе, торговле оружием и людьми). Поэтому первостепенное значение в борьбе с организованной преступностью на современном этапе приобретают меры организационного и законодательного характера.

В настоящее время борьбой с организованной преступностью занимаются специализированные подразделения МВД, ФСБ, ФСИН, ФСКН, ФТС, СВР России, Росфинмониторинга и др.

В системе МВД России основную работу по выявлению, документированию и пресечению противоправной деятельности действующих ОПФ осуществляют специализированные подразделения уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции.

По решению Президента Российской Федерации (Указ от 11.12.2010 № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка») созданы постоянно действующие координационные совещания по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации.

Сегодня МВД России осуществляется взаимодействие с зарубежными правоохранительными органами через Национальное Центральное Бюро Интерпола, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью СНГ, полицейских офицеров связи, аккредитованных при посольствах иностранных государств (свыше 40) в России, представителей МВД России за рубежом (США, Израиль, Палестина, Азербайджан, Армения, Швейцария, Германия, Австрия, Франция, Китай, Испания). Активно используются многосторонние механизмы и форматы международных организаций, в первую очередь с партнера-

ми из Евросоюза. Главным импульсом в развитии правоохрнительного диалога, несомненно, станет подписание Соглашения между Российской Федерацией и Европоллом о стратегическом и оперативном сотрудничестве (в настоящее время текст документа полностью согласован на экспертном уровне).

На двустороннем уровне проводятся заседания рабочих групп по противодействию трансграничной организованной преступности (российско-германская, российско-израильская, российско-австрийская, российско-швейцарская и др.).

Принципиальное значение в борьбе с транснациональной преступностью имеют многосторонние и двусторонние международные договоры, участниками которых является Россия:

- Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята 15 ноября 2000 г., вступила в силу для России 25 июня 2004 г.);
- Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза (подписан 19 декабря 2011 г., вступил в силу 14 декабря 2012 г.);
- Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью (подписано 11 июня 2010 г., вступило в силу, в том числе и для России, 11 января 2012 г.);
- Модельный закон о пограничной безопасности (принят 28 октября 2010 г. на 35-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ);
- Соглашение между РФ и Республикой Таджикистан о сотрудничестве по пограничным вопросам (заключено 2 сентября 2011 г., вступило в силу 4 апреля 2012 г.);
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью, особенно в ее организованных формах (подписано 20 декабря 2010 г., вступило в силу 15 июля 2011 г.);

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Дания о сотрудничестве в области борьбы с транснациональной преступностью (заключено 28 апреля 2010 г., вступило в силу с момента подписания) и др.

Особую роль в борьбе с организованной преступностью на постсоветском пространстве играет Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ). На территориях государств-участников ОДКБ наблюдается рост масштабов угрозы, исходящей от транснациональной организованной преступности, которая нередко связана с терроризмом в смысле участников террористических актов и применяемых способов, а также является одним из источников финансирования террористов. Активно действуют организованные преступные группировки, стремящиеся контролировать финансовые потоки отдельных предприятий и отраслей в целом. Наиболее серьезная проблема – наркотрафик.

В соответствии со ст. 8 Устава ОДКБ государства-члены координируют и объединяют свои усилия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств-членов.

С 2003 г. под эгидой ОДКБ проводится региональная антинаркотическая операция постоянного действия «Канал», цель которой заключается в выявлении и блокировании маршрутов контрабанды наркотиков, пресечении деятельности подпольных лабораторий, предупреждении утечки прекурсоров в нелегальный оборот, подрыв экономических основ наркобизнеса. В 2008 году решением Совета коллективной безопасности ОДКБ операции «Канал» придан статус Региональной антинаркотической операции постоянного действия, она проводится в соответствии с планом работы Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств-членов ОДКБ. Председателем КСОПН является директор ФСКН России Виктор Петрович Иванов. Всего в ходе операций

«Канал» из незаконного оборота изъято около 245 т наркотиков, в том числе более 12 т героина, около 5 т кокаина, 42 т гашиша, а также свыше 9300 единиц огнестрельного оружия и около 300 тыс. штук боеприпасов.

В 2010 году проводилась операция «Канал-Юг» в Таджикистане, в 2011 г. – «Канал-Запад» в Беларуси. С 5 по 8 июля 2012 г. операция «Канал-Восток» проводилась на обширной территории от Республики Беларусь до Китайской Народной Республики (штаб в г. Благовещенске). Общая численность задействованных в операции сотрудников составила более 44 тыс. чел., силами которых организованы 2086 совместных оперативных групп, в том числе 310 для отработки объектов железнодорожного транспорта, 124 – воздушного и речного транспорта.

Были выявлены свыше 800 (829) наркопреступлений, в том числе – 90 совершенных в групповой форме, 291 – связанных со сбытом, 156 – связанных с перевозкой. Возбуждено более 4 тыс. (4036) уголовных дел, из которых 683 – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. К уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, привлечено более 500 (524) лиц, из них 66 участников преступных групп, 171 сбытчик, 62 перевозчика. Всего в рамках операции из незаконного оборота изъято свыше 5 т наркотиков, из них более 194 кг наркотических средств синтетического происхождения, 241 кг опия, 3 т 700 кг марихуаны, 587 кг гашиша, 552 кг героина, а также более 14 т прекурсоров.

В целях эффективной борьбы с контрабандой наркотиков в 2005 г. был создан специализированный орган, занимающийся вопросами координации противодействия наркоугрозе, – «Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков».

В целях противодействия незаконному обороту наркотиков, 18 февраля 2011 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и Антитеррористическим центром СНГ, а 14 июня 2011 г. – Протокол о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и Региональной антитеррористической структурой ШОС.

4 февраля 2009 г. участники ОДКБ согласовали и подписали решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования. 14 июня 2009 г. в Москве было подписано Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности (далее – КСОР), временно применявшееся с момента подписания (ратифицировано Госдумой ФС РФ 23 декабря 2010 г.). КСОР является универсальным потенциалом, способным решать задачи по урегулированию конфликтов различной степени напряженности, проводить специальные операции по пресечению террористических атак, насильственных экстремистских действий, проявлений организованной преступности, а также по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В декабре 2011 г. главами государств-членов принято решение по включению в состав КСОР специальных подразделений антинаркотических ведомств.

Создаваемые на коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования в любой момент должны быть готовыми к противодействию чрезвычайным ситуациям, а также военной агрессии, терроризму, организованной преступности и наркотрафику в зоне ответственности ОДКБ. В составе КСОР также присутствует более двух тысяч спецназовцев и бойцов МЧС. Всего насчитывается около 19 тыс. военнослужащих вооруженных сил государств-членов и сотрудников формирований сил специального назначения.

Подразделения спецназа привлекаются к выполнению задач по участию в разоружении и ликвидации незаконных вооруженных формирований, пресечении актов терроризма, противодействию массовым беспорядкам, пресечении деятельности и ликвидации организованных преступных групп.

Начиная с 2009 г., с контингентами КСОР ОДКБ проводятся совместные учения под условным наименованием «Взаимодействие». Они прошли на территории Казахстана, России и Таджикистана. Очередные учения КСОР ОДКБ состоятся в первой половине сентября на территории Армении. В июне 2010 г. в России прошли совместные тактико-специальные учения форми-

рований спецслужб Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана «Кобальт-2010».

В рамках ОДКБ также активно развивается взаимодействие специальных подразделений в целях пресечения преступлений в сфере современных информационных технологий в рамках операции «Прокси». Основные задачи операции – противодействие распространению информации, наносящей политический, экономический и культурный ущерб интересам государств-членов. По результатам последних этапов «Прокси» приостановлена деятельность 1126 информационных ресурсов, возбуждено около 1,5 тыс. уголовных дел против лиц, причастных к их созданию и функционированию.

В рамках системных шагов ОДКБ по противодействию незаконной миграции и торговле людьми проводятся скоординированные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции по противодействию незаконной миграции под условным наименованием «Нелегал». Только по итогам операции «Нелегал-2011» миграционными службами и правоохранительными органами государств – членов ОДКБ выявлены более 96 тыс. нарушений миграционного законодательства, в том числе около 76

тыс. нарушений правил въезда, выезда и пребывания; более 20 тыс. нарушений установленного порядка осуществления трудовой деятельности; наложено административных штрафов на сумму более 3 млн долл. США; выдворены в административном порядке более 7 тыс. нарушителей.

Справочно: Примеры деятельности ОПГ.

Российские:

1. Коррупционно-бандитская ОПГ Трунова.

По версии следствия функционировала с 1997 по 2009 гг., включала более 30 участников, которые совершили 14 преступлений (четыре убийства, два покушения на убийство предпринимателей, в том числе в целях передела сфер влияния, хулиганство с применением насилия в отношении сотрудников милиции, поджог автомобилей с нападением и причинением тяжкого вреда здоровью охранника, вымогательство у предпринимателя и мошенничество в отношении бывшего участника сообщества). Лидер группировки А. Трунов был задержан и арестован в июле 2009 г. ОПГ раскрыта, ведется суд (вынесение приговора планируется на 13 ноября 2012 г. на очередном заседании суда)².

2. **Куцевская преступная группа** действовала в станице Куцевская Краснодарского края с 90-х гг. XX века. Предполагаемый главарь – Сергей Цапок. Фигурантами дела проходят еще около 60 чел. Оперативники подозревают задержанных в 12 разбойных нападениях и 6 кражах. С 2007 по 2012 гг. подозреваемые совершали разбойные нападения на домовладения на территории Ростовской области и Краснодарского края, в том числе и станицы Куцевской. Группировка была ликвидирована после того, как осенью 2010 г. в Куцевской были убиты сразу 12 чел. (фермер Сервер Аметов, его семья и гости).

3. До недавнего времени активно функционировали преступные группировки, занимавшиеся **незаконным игорным бизнесом** в Московской области, Волгограде и других регионах России.

Транснациональные:

1. Совместными усилиями спецслужб государств – членов ОДКБ была прекращена деятельность организованного преступного сообщества (далее – ОПС). Данное сообщество организовало наркотрафик из Афганистана транзитом через республики Центрально-Азиатского региона в Россию. Возглавлял ОПС 38-летний бизнесмен Сергей Михайлов. Установлено, что Михайлов легализовал от продажи наркотиков свыше 54 млн руб. Вырученные деньги члены сообщества вкладывали в легальный бизнес. К примеру, лидер группировки Михайлов являлся владельцем автосервиса и ряда коммерческих предприятий, а также учредителем и спонсором уфимского футбольного клуба «Таксист». Среди своих подельников он ввел строгую иерархию. Сообщество состояло из шести преступных групп. Численность наркогруппировки, по оперативным данным, составляла более 200 чел.

В настоящее время расследование уголовного дела в отношении Михайлова завершено. Вместе с ним к уголовной ответственности привлечены 10 чел., входивших в руководящее звено сообщества. Им предъявлены обвинения по 17 эпизодам организованной преступной деятельности.

Михайлову назначено наказание в виде 15 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима и штрафом в размере 1 млн руб.

2. В 2010 году была обезврежена преступная группировка украинских «черных трансплантологов», на протяжении трех лет занимавшаяся незаконной пересадкой и торговлей человеческими органами. Члены группировки вербовали граждан Украины, России, Молдовы, Беларуси и Узбекистана и перевозили их в Азербайджан и Эквадор для трансплантации органов реципиентам из Израиля. В состав преступной группы входили 12 чел., а возглавлял организацию гражданин Израиля. В этой схеме также были задействованы четверо ведущих врачей одной из киевских клиник.

² Александр Трунов, многие годы возглавлявший так называемую «банду Трунова», приговорен 25 декабря 2012 г. Новосибирским областным судом к 22 годам лишения свободы. Кроме него различные сроки получили рядовые члены группировки // <http://vz.ru/society/2012/12/25/613739.html> (Прим. ред.).

Ю.В. Латов / U. Latov

ведущий сотрудник Научного центра Академии управления МВД России, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, полковник полиции

Терроризм в постиндустриальном обществе (парадоксы «технологического терроризма»)¹

Terrorism in the post-industrial society (paradoxes of «technological terrorism»)

Анализ нормативно-правовых документов и научных публикаций, посвященных так называемому технологическому терроризму, показывает, что хотя само это понятие широко используется, однако до сих пор нет консенсуса в его определении. Предлагаются два взаимодополняющих подхода к определению технологического терроризма как социально-экономического явления: с одной стороны, его можно определить как акты терроризма с использованием наукоемких средств очень высокой разрушительной силы, с другой стороны, как новую стадию развития терроризма, соответствующую институтам постиндустриального общества.

Ключевые слова: технологический терроризм, наукоемкость, постиндустриальное общество, противодействие терроризму, террорология.

С начала 80-х гг. XX века за рубежом, а с начала 2000-х гг. и в России при обсуждении угроз терроризма и проблем противодействия таким угрозам все чаще пользуются понятием «технологический терроризм» или близкими к нему («высокотехнологичный терроризм», «техноген-

Analysis of legal documents and scientific publications devoted to the so-called a technological terrorism shows that although this concept is widely used, but there is still no consensus on its definition. There are two complementary approaches to the definition of terrorism as a process of socio-economic phenomena: on the one hand, it can be defined as acts of terrorism with using high-tech means of very high destructive power, on the other hand, as a new stage in the development of terrorism corresponding to the appropriate institutions of post-industrial society.

Keywords: technological terrorism, research intensity, post-industrial societies in combating terrorism, terrorologia.

ный терроризм» и т.д.). Судя по контекстам, в которых обсуждаются вопросы технологического терроризма, речь идет о террористических угрозах, связанных с высокотехнологическими объектами и представляющих особо высокую опасность для общества. Первая «волна» широкого

¹ Автор выражает глубокую благодарность кандидату юридических наук Алексею Васильевичу Некишеву за большую помощь в сборе материалов по теме исследования и за участие в совместном обсуждении данной темы.

обсуждения технологического терроризма прошла после событий 2001 г. – после самолетных таранов и рассылки писем со спорами сибирской язвы. События апреля 2013 г. – теракт в Бостоне и отравленное рицином письмо президенту Америки – могут вызвать новую «волну» указанного ранее обсуждения.

Подходы к определению технологического терроризма: нормативно-правовой дискурс

Хотя обсуждение данной проблематики длится уже не одно десятилетие, до сих пор не существует общепринятое определение «технологического терроризма», впрочем, как и согласия по поводу того, существует ли вообще данное явление. Парадоксальность дискурса о технологическом терроризме (обсуждение того, чего, возможно, и нет), казалось бы, противоречит тому факту, что данное понятие уже отражено в некоторых правовых актах. Однако противоречия здесь нет, поскольку в официальных документах «технологический/техногенный терроризм» определяется не совсем, скажем так, корректно.

В первом (и пока единственном) примере его юридического закрепления на международном уровне – в Договоре «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом» (Минск, 4 июня 1999 г.) – *технологический терроризм* определяется как «использование или угроза использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, включая захват, выведение из строя и разрушение ядерных, химических или иных объектов повышенной технологической и экологической опасности, систем жизнеобеспечения городов и иных населенных пунктов, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на при-

нятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых иных целей, а также попытка совершения одного из вышеперечисленных преступлений в тех же целях, осуществление руководства, финансирование или участие в качестве подстрекателя, сообщника или пособника лица, которое совершает или пытается совершить такое преступление» (ст. 1).

Нетрудно заметить, что в этом определении есть методологическая ошибка – явление определено через его структуру, то есть через перечисление входящих в него элементов. К тому же законодатель понимал, что составленный им список элементов неполон, и сознательно допустил возможность его расширения.

Но как понимать, что технологический терроризм – это использование «... и других вредных для здоровья людей веществ»? Скажем, динамит – это «вредное для здоровья людей» вещество? А порох в патронах? Исходя из здравого смысла, на эти вопросы надо ответить положительно. Но тогда к технологическому терроризму придется отнести практически все современные теракты, поскольку использование террористами холодного оружия осталось в позапрошлом веке, да и тогда оно было исключением из правила².

С другой стороны, можно ли на основе этого определения отнести к технологическому терроризму создание и распространение террористами компьютерных вирусов, которые разрушают программное обеспечение банков, электростанций, центров управления оружием и т.д.? Поскольку в определении говорится о выведении из строя объектов повышенной технологической опасности, то кибертерроризм вроде бы можно рассматривать как разновидность технологического терроризма. Но вредоносную компьютерную программу нельзя назвать «вредным для здоровья людей веществом», поскольку она не является веществом и разрушает в первую очередь не людей, а их имущество.

Можно сделать вывод, что определение технологического терроризма как использования «вредных для здоровья людей веществ» яв-

² При таком подходе, единственный «не технологический» теракт в истории России – убийство при помощи кинжала в 1878 г. шефа жандармов Н.В. Мезенцова революционером-народником С.М. Степняком-Кравчинским.

ляется временным паллиативом, призванным обозначить отсутствие научной дефиниции. Интересно, что хотя в начальной статье Договора «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом» дано определение технологического терроризма, в основном тексте договора этот термин не используется. Поскольку далее в Договоре речь идет об обмене информацией о «фактах незаконного оборота ядерных материалов, химического, бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, высокотоксичных химических веществ, патогенных микроорганизмов» (ст. 11), то «технологический терроризм» де-факто приравнен к терроризму, связанному с использованием средств массового уничтожения.

Другой пример юридического закрепления интересующего нас понятия относится к законодательству Украины. В Законе «Об основах национальной безопасности Украины», принятом в 2003 г., среди угроз безопасности в экологической сфере фигурирует (ст. 7) «угроза техногенного, в том числе ядерного и биологического, терроризма». Украинские законодатели, таким образом, не стали даже давать развернутого перечня элементов, входящих в понятие «техногенный терроризм», ограничившись указанием лишь на два элемента, подразумеваемо связанных с оружием массового уничтожения. В Договоре «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом» эти два элемента тоже фигурировали в рамках более полного перечня видов оружия массового уничтожения («...ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия...»).

Таким образом, в официальных документах на постсоветском пространстве понятие «технологический/техногенный терроризм» уже используется, но эпизодически и без внятной формулировки, что же это такое. Среди национальных и международных законодательных актов можно найти много документов, посвященных исполь-

зованию террористами конкретных технологий (прежде всего, связанных с оружием массового уничтожения³), но трудно найти решения, посвященные проблеме опасных технологий в целом. Законодатель стоит перед проблемой: формируется некое новое явление, не сводимое к отдельным давно известным компонентам (ядерному терроризму, химическому терроризму и др.), но в рамках террорологии пока отсутствует его определение.

Действительно, в современной научной литературе еще не сложился консенсус в понимании того, что же такое «технологический терроризм». Нет даже единства в том, что это явление реально существует, а не относится к мнимым объектам типа «летающих тарелок» или «Бермудского треугольника».

Подходы к определению технологического терроризма: научный дискурс

Позиции современных исследователей по этой проблеме можно с некоторой долей условности разделить на три группы:

- 1) отрицание технологического терроризма как явления;
- 2) отрицание технологического терроризма как цельного явления, хотя признается существование отдельных его разновидностей (например, биологического терроризма или кибертерроризма);
- 3) признание технологического терроризма как цельного явления, выделение его как особой разновидности терроризма.

К первой группе относятся исследования, отрицающие объективный характер даже конкретных разновидностей технологического терроризма, а следовательно, и необходимость его дифференциации. Они полагают, что имеющиеся единичные примеры использования террористами сложных технологий являются мнимыми – в событиях 11 сентября 2001 г. видна «рука американских спецслужб», в рассылке спор сибирской

³ Примером может служить Федеральный закон Российской Федерации «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма» от 2 октября 2006 г. № 158-ФЗ.

язвы в сентябре-октябре того же года – та же самая «рука», и т.д.⁴

Такой гиперскептицизм в отношении технологического терроризма сливается с «теорией заговора».

Вторую группу исследований составляют работы, признающие объективный характер отдельных проявлений технологического терроризма, необходимость их понятийного закрепления и осмысления. Примером такого подхода является позиция многих авторов, которые в рамках предлагаемых ими классификаций терроризма в качестве самостоятельных видов выделяют те или иные конкретные виды технологического терроризма. При этом исследуются многочисленные понятия («ядерный терроризм», «биологический терроризм», «космический терроризм» и т.д.), отражающие отдельные стороны данного явления, но не делается попыток установить нечто общее между этими явлениями⁵.

Третья группа исследований связана с комплексным осмыслением технологического терроризма. Сторонники данного подхода справедливо считают, что необходимо вывести методологию исследования данного феномена на системный уровень и рассматривать технологический терроризм как многофакторное и многоуровневое явление, составные части которого находятся в сложной диалектической взаимосвязи. Автор настоящей публикации разделяет именно этот научный подход.

Приверженцы третьего подхода очень часто допускают тот же методологический просчет, который допущен в Договоре «О сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом». Многие

террорологи охотно занимаются классификацией видов технологического терроризма (с точки зрения принадлежности орудий или объектов терактов по разным основаниям к оружию и компонентам массового уничтожения, высоким технологиям, социальной инфраструктуре и т.д.)⁶, но не анализируют технологический терроризм как целостное явление. Данные попытки во многом носят эклектичный характер и осуществляются на уровне механического объединения разных явлений, которые автор считает (не объясняя, почему) однопорядковыми.

Примером такого подхода является позиция С.А. Старостина, который считает, что «технологический терроризм можно классифицировать на биологический, химический, терроризм с использованием взрывчатых веществ особой разрушительной силы, кибернетический (компьютерный), ядерный (радиологический) и сельскохозяйственный»⁷, но при этом не объясняет принципов такой классификации, лишая ее структурной однородности, и не называет того общего, что объединяет все эти «терроризмы».

Легко заметить, что во всех перечисленных определениях «за деревьями не видно леса» – за перечислением элементов (разновидностей) технологического терроризма скрываются общие сущностные характеристики, объединяющие эти элементы. Как справедливо отметил М.В. Назаркин, «механическое расширение круга его (терроризма) разновидностей не может быть беспредельным, так как при этом данное явление... «ускользает» от попыток его целостного осмысления и систематизации»⁸.

Разногласия в определениях отражаются в терминологической разноголосице. В русскоязы-

⁴ См., например, часто встречающиеся в Интернете работы Дмитрия Халезова, считающего подрыв башен-близнецов результатом взрыва компактного ядерного заряда, а рассылку спор сибирской язвы – делом рук специалиста-одиночки, выполнявшего задания спецслужб США или какой-то группы внутри спецслужб.

⁵ Например, В. Постольник предлагает следующую классификацию видов терроризма: политический, социальный, национальный, территориально-сепаратистский, биологический, уголовный. Здесь представлена такая разновидность технологического терроризма, как биологический терроризм, но других разновидностей технологического терроризма не выделяется. См.: Постольник В. У терроризма нет границ // Профessionал. 2001. № 5. С. 20.

⁶ См., например: Хиршман К. Терроризм в новом измерении: причины и выводы // Международный терроризм и право: реферативный сборник. М.: ИНИОН, 2002. С. 39.

⁷ Старостин С.А. Терроризм – глобальная угроза безопасности Российской Федерации // Стратегические риски чрезвычайных ситуаций: оценка и прогноз. Материалы восьмой Всероссийской научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. 15–16 апреля 2003 г. МЧС России. М.: Триада, Лтд, 2003. С. 152.

⁸ Назаркин М.В. Технологический терроризм и высокорисковые объекты. М.: ВНИИ МВД, 2005. С. 4.

зычной научной литературе при описании феномена технологического терроризма различными авторами используются очень различные термины – не только «технологический терроризм»⁹, «высокотехнологичный терроризм»¹⁰ и «техногенный терроризм»¹¹, но и «супертерроризм»¹², «терроризм массового поражения»¹³ и т. д.

В англоязычном научном дискурсе, в рамках которого впервые началось комплексное изучение «технологический терроризм»¹⁴, тоже нет терминологического однообразия: термин «technological terrorism» не закрепился, «катастрофические» теракты чаще всего связывают только с использованием средств массового уничтожения¹⁵. Даже когда исследователи используют термин «технологический терроризм», предлагаемые ими определения не отражают в полной мере, по нашему мнению, содержания этого явления.

Различными авторами используются и различные методологические основания определения рассматриваемого явления. Так, А.К. Микеев под технологическим терроризмом понимает совершение террористических акций на потенциально опасных объектах страны (не уточняя, каков критерий этой потенциальной опасности)¹⁶. Похожей позиции придерживается Б.С. Матрюков,

который рассматривает технологический терроризм как проведение террористических актов на предприятиях¹⁷ (в таком случае возникают вполне резонные вопросы: На любых ли предприятиях? Любых ли терактов?).

Можно встретить и предельно упрощенные определения данного явления как терроризма, «в акциях которого применяются любые современные технологии, достижения науки и техники»¹⁸. Однако под такое определение подойдет любой теракт, если только террорист не захочет применить что-то заведомо архаичное (наподобие бу- меранга или музейного меча).

Попробуем уточнить понятие «технологический терроризм», отталкиваясь от уже сложившейся практики употребления этого термина и его синонимов.

Обычно данное понятие используется в одном из двух смыслов (либо в обоих сразу) – под «технологическим терроризмом» подразумеваются

- либо теракты в отношении высокотехнологических объектов (киберсетей, электростанций, самолетов...),
- либо теракты с применением высокотехнологических средств (специальных химических веществ, компьютерных технологий и т.д.).

⁹ Терроризм: борьба и проблемы противодействия: Учеб. пособие для студентов юрид. вузов. Под ред. В.Я. Кикотя, Н.Д. Эршавили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 69.

¹⁰ Высокотехнологичный терроризм. Материалы российско-американского семинара 4–6 июня 2001 г. М.: РАН, 2002. С. 18.

¹¹ Байрак Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом (региональный аспект): учеб. пособие / Под ред. Г.М. Меретукова. Краснодар: КЮИ МВД, 2002. С. 30; Топольский Н.Г., Блудчий Н.П. Основы обеспечения интегральной безопасности высокорисковых объектов. М.: МИПБ МВД России, 1998. С. 7.

¹² Супертерроризм: новый вызов века / Под общ. ред. А.В. Федорова. М.: Права человека, 2002. С. 8.

¹³ Пронин В.В. Новые ответы на глобальные вызовы и внешняя политика России // Стратегические риски чрезвычайных ситуаций: оценка и прогноз. Материалы восьмой Всероссийской научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. 15–16 апреля 2003 г. МЧС России. М.: Триада, Лтд, 2003. С. 119.

¹⁴ «Изобретателем» данного термина считается Ричард Кларк, автор монографии «Технологический терроризм», изданной треть века тому назад (Clark R.C.H., 1980. Technological Terrorism. Old Greenwich (Conn.). Эта книга является редким образцом научного предвидения: написанная до того, как террористы начали использовать «высокие технологии», книга содержала изложение практически всех направлений «технологического терроризма», которого стали бояться в начале XXI века. Р. Кларк описал, в частности, диверсии на атомных электростанциях, взрывы в местах большого скопления людей, подрывы газо- и нефтепроводов, отравление источников воды и даже атаки на ЭВМ.

¹⁵ См., например: Mohtadi H., Murshid A.P. Analyzing catastrophic terrorist events with applications to the food industry // The Economic Costs and Consequences of Terrorism / Ed. by Harry Richardson, Peter Gordon, James E. Moore. Edward Elgar, 2007.

Несколько более широкий подход представлен в работе ведущих американских специалистов по экономическому анализу терроризма В. Эндерса и Т. Сэндлера, которые при анализе терактов с потенциально массовыми жертвами наряду с ядерными/радиологическими, химическими и биологическими атаками выделяют также «обычные атаки с массовыми жертвами», в число которых включены использование самолетов-бомб, машин-бомбы и др. (Enders, Sandler, Enders W. The Political Economy of Terrorism. Cambridge University Press, 2009. P. 249).

¹⁶ Микеев А.К. Технологический терроризм – современная реальность // Терроризм: современные аспекты: сборник научных статей. М.: Издательство Академии управления МВД России, 1999.

¹⁷ Матрюков Б.С. Безопасность в чрезвычайных ситуациях: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. С. 282.

¹⁸ Терроризм в современном мире. 2-е изд. / Под ред. В.Л. Шульца. М.: Наука, 2011. С. 452.

Главным специфическим компонентом технологического терроризма при традиционном подходе считается фигурирование в качестве объекта или орудия теракта чего-то необычно-сложного, высокотехнологического.

Но такие подходы игнорируют релятивность (относительность) представлений о высоких технологиях. Скажем, динамит был высокотехнологическим продуктом в 1881 г.¹⁹, но к 2001 г. он стал обыденным «инструментом». В одно и то же время, но в разных странах, одинаковые орудия или объекты нападения будут и высоко-, и низко-технологичными. Например, современный автомат будет высокотехнологичным оружием для террориста в слаборазвитой стране, но совершенно обычным – для члена «Японской Красной армии» или американского милитмена.

Самое главное, если «технологический терроризм» – это всего лишь высокотехнологичный терроризм, то не вполне понятно, почему вокруг этого явления идут активные обсуждения. В конце концов, почти все теракты с большим количеством жертв совершаются в современном мире при помощи банального динамита, который может считаться высокотехнологичным орудием только в совсем отсталых странах. Почему же тогда политики и ученые обсуждают в рамках дискурса о технологическом терроризме, например, «ядерный терроризм», от которого пока никто не умер, и ничто не пострадало, но уделяют мало внимания более чем реальному «динамитному терроризму»?

Поскольку традиционный критерий технологической сложности оказывается не вполне надежным и не достаточным, попробуем дать трактовку технологического терроризма, уточняющую существующий подход к этому явлению.

По мнению автора настоящей статьи, есть два взаимодополняющих подхода к уточнению понятия «технологический терроризм»: один – на

основе сложившейся в нашей стране юридической трактовки последствий терактов (в частности, чрезвычайных ситуаций техногенного характера), другой – с опорой на экономико-философскую теорию постиндустриального общества. Первый подход более конкретен и предназначен для совершенствования нормативно-правовой базы, в то время как второй, более широкий подход важен для осмысления причин формирования и перспектив развития данного явления.

Технологический терроризм как наукоемкий и массовый терроризм

Определять «технологический терроризм» через объяснение того, что такое «технология» и «технологическое», вряд ли будет продуктивным. Дело в том, что научное определение технологии является очень широким, вбирающим практически все виды человеческой деятельности: под технологией понимают информацию о методах и формах, способах и приемах организации деятельности, а также саму деятельность²⁰.

При буквальном следовании смыслу термина «технология» следовало бы относить к технологическому терроризму абсолютно все теракты (которые самоочевидно являются деятельностью). Следует признать, что хотя термин относительно устоялся, однако вкладываемый в него смысл не в полной степени соответствует буквальному значению термина (в научной терминологии такое наблюдается нередко – вспомним хотя бы термин «атом»). Поэтому в определении технологического терроризма необходимо отталкиваться не от термина, а от контекстов употребления этого термина.

Автор данной статьи хотел бы предложить следующее краткое юридическое определение технологического/техногенного терроризма: *это совершение (или угроза совершения) террори-*

¹⁹ Российские народовольцы, организовавшие убийство в 1881 г. царя Александра II, использовали новейшую для того времени взрывчатку («гремучий студень» был впервые получен А. Нобелем всего лишь несколькими годами раньше, в 1875 г.) и оригинальные бомбы, специально сконструированные талантливым изобретателем-революционером Н.И. Кибальчицем. (Во время суда над террористами даже высказывались предложения сохранить изобретателю жизнь, поскольку его изобретения представляли большой интерес для армии.) Таким образом, с точки зрения сторонников трактовки технологического терроризма как применения террористами высокотехнологических орудий, вполне правомерно трактовать убийство царя именно как акт технологического терроризма.

²⁰ Основы управления в органах внутренних дел: учебник / Под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: НМД ГУК МВД России, 2002. С. 66.

стических актов, способных стать источником преднамеренных чрезвычайных ситуаций техногенного характера. Ранее в научной литературе похожая точка зрения уже высказывалась. Так, например, Н.А. Махутов обращал внимание на связь технологического терроризма со стратегическими рисками чрезвычайных ситуаций²¹.

В предложенном определении специфика технологического терроризма (его отличие от других, не технологических видов терроризма) объясняется при помощи понятия «чрезвычайные ситуации техногенного характера». Этот термин активно используется в российском законодательстве (прежде всего, в Федеральном законе Российской Федерации «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. №68-ФЗ и в Постановлении Правительства Российской Федерации «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 мая 2007 г. № 304). Однако с законодательным определением, что же такое «чрезвычайные ситуации техногенного характера», есть проблемы, схожие с трудностью определения «технологического терроризма».

Общее определение чрезвычайных ситуаций давно устоялось – это «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Но каковы признаки чрезвычайных ситуаций именно *техногенного характера*? Хотя «чрезвычайные ситуации техногенного характера» упоминаются в нормативных правовых актах гораздо чаще, чем «технологический терроризм», однако определения признаков «техногенного характера» в официальных документах вообще никогда не давалось.

Чтобы понять, что же такое «технологичность» и «техногенность», воспользуемся работами обществоведов из г. Брянска, систематически занимающихся исследованиями по философии техники. Специалисты брянской школы справедливо указывают на многозначность широко используемых понятий «техника», «технология», «техногенность» и т.д., однако считают возможным выделить главный признак, который явно или неявно фигурирует в определениях этих понятий. Речь идет об использовании *передовых научных достижений, наукоемкости*²².

В явной форме понятие наукоемкости в формулировку технологического терроризма ранее уже вводилось, например, В.Я. Кикотем²³ и авторами монографии «Терроризм: история и современность»²⁴.

По мнению этих авторов, технологический терроризм – это «использование в террористических акциях новейших достижений науки и техники в области компьютерных и информационных технологий, радиоэлектроники, ядерных материалов, генной инженерии, иммунологии и т. д.». В литературе можно встретить упрощенное изложение этого же похода, когда к технологическому терроризму относят «террористические нападения с использованием новейших достижений науки, техники и вооружений»²⁵.

²¹ См.: Махутов Н.А. Связь стратегических рисков чрезвычайных ситуаций с сопредельными рисками // Стратегические риски чрезвычайных ситуаций: оценка и прогноз. Материалы восьмой Всероссийской научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. 15–16 апреля 2003 г. МЧС России. М.: Триада, Лтд, 2003. С. 180; Коткин П.Н. Технологический терроризм как угроза возникновения чрезвычайных ситуаций // Актуальные проблемы борьбы с терроризмом и экстремизмом на современном этапе. Сборник научных трудов. Екатеринбург: Издательство Уральского ЮИ МВД России, 2007.

²² Так, например, по мнению Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачевой, Н.В. Попкова «основу понятия «техногенный» составляет технико-технологическая генетика, т.е. вся совокупность процессов технико-технологического... генезиса на базе научных достижений...». См.: Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Философия социально-техногенного развития мира. М.- Брянск: Издательство БГТУ, 2011. С. 298.

²³ Терроризм: борьба и проблемы противодействия: Учеб. пособие для студентов юрид. вузов / Под ред. В.Я. Кикотя, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 69.

²⁴ Кофман Б.И., Миронов С.Н., Сафаров А.А., Сафиуллин Н.Х. Терроризм: история и современность. Казань: Изд-во КЮИ МВД РФ, 2002. С. 81.

²⁵ Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Под ред. А.В. Возженникова. М.: Эксмо, 2007. С. 419.

Ранее указывалось на высокую релятивность технологичности – в конкретный исторический период одна и та же технология будет считаться «высокой» в слаборазвитых странах и «низкой» в высокоразвитых. Замена критерия технологичности критерием наукоемкости позволяет уйти от этого релятивизма: наука с эпохи нового времени развивается наднационально, формируя единый стандарт научных знаний для всех стран современной миросистемы. Хотя, конечно, в одних странах средний уровень знаний ниже этого стандарта, а в других выше, представление о передовых научных достижениях будет одинаковым. Поэтому предложение причислять к актам технологического терроризма те действия террористов, которые связаны с использованием передовых научных достижений, позволит выделять однородные теракты независимо от того, в какой стране мира они совершались²⁶.

Наукоемкость объекта или орудий разрушений сама по себе недостаточна, чтобы возникла чрезвычайная ситуация техногенного характера. Приведем пример из истории развития военных технологий: наукоемкостью обладает как оружие массового поражения (которое должно максимально умножать количество жертв), так и высокоточное оружие (которое должно, наоборот, максимально уменьшать количество лишних жертв). Поэтому при юридическом определении технологического терроризма *критерий наукоемкости* необходимо дополнить *критерием массовости* – высокого количества человеческих жертв либо высокого размера материального ущерба.

Сложившаяся в России юридическая трактовка чрезвычайных ситуаций уже выработала количественные критерии иерархизации этих ситуаций – от чрезвычайных ситуаций локального характера (не более 10 человеческих жертв либо материальный ущерб не выше 100 тыс. руб.) до чрезвычайных ситуаций федерального характера (свыше 500 пострадавших либо материальный

ущерб свыше 500 млн руб.). Эти критерии, безусловно, не слишком удачны.

В Постановлении Правительства Российской Федерации «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 мая 2007 г. № 304, где были законодательно определены количественные критерии чрезвычайных ситуаций разного уровня, в частности, не было указано на необходимость индексации оценок материального ущерба. Поэтому в настоящее время (весной 2013 г.) локальной чрезвычайной ситуацией техногенного характера может, в принципе, быть объявлено любое разрушительное действие, достигнутое при помощи каких-либо наукоемких средств, на мизерную сумму, сопоставимую со среднемесячной зарплатой специалиста (достаточно, например, свалить в общественном туалете списанные медицинские приборы, содержащие слабые радиоактивные материалы).

Однако сама идея параллельного использования критериев человеческих жертв и материального ущерба абсолютно справедлива, поскольку для выдвижения политических требований террористам достаточно создать угрозу не жизни, а имуществу многих людей (например, угрожать разрушением банковских баз данных). Благодаря этим «двойным стандартам» к актам технологического терроризма можно причислить и кибертерроризм, который не несет угроз непосредственно жизни людей, но может нанести очень высокий материальный ущерб.

Таким образом, чрезвычайную ситуацию техногенного характера целесообразно определять как использование или разрушением объектов, созданных на основе передовых научных достижений и имеющих потенциально высокий уровень поражающего фактора. Соответственно, технологическому терроризму можно дать следующее развернутое определение: это *совершение (или угроза совершения) террористических актов, связанных с использованием или разрушением объ-*

²⁶ Юристам критерий использования передовых научных достижений может показаться слишком размытым. Действительно, что можно считать передовым научным достижением – открытое год назад? 5 лет назад? 10 лет назад? Дать универсальный ответ на этот вопрос нельзя, определение наукоемкости – задача экспертов, профессиональных ученых, которые в каждом конкретном случае должны будут давать заключение, относятся ли используемые террористами средства к наукоемким или нет.

ектов, созданных на основе передовых научных достижений и имеющих потенциально высокий уровень поражающего фактора. В этом определении технологического терроризма (а также чрезвычайных ситуаций техногенного характера) фигурируют два ключевых признака – наукоемкость орудий и/или объектов терактов и потенциальная массовость (массированность) поражения как результат терактов²⁷.

В предлагаемом нами определении используются два критерия, которые могут не совпадать. Возможны теракты, когда орудием или объектом нападения является что-то наукоемкое, однако теракт не предполагает массовых жертв и/или разрушений. Примером таких терактов является широкое использование с 90-х гг. прошлого века почтовых бомб – искусное конструирование и рассылка миниатюрных взрывных устройств (они могут выглядеть, например, как музыкальные открытки), которые могут серьезно ранить и даже убить того, кто будет вскрывать письмо²⁸.

Отравленное рицином письмо, которое было обнаружено в почте Президента США Б. Обамы в апреле 2013 г., относится к аналогичному же виду. Гораздо больше противоположных примеров, когда массовость поражения достигается простыми средствами («динамит и бикфордов шнур, его брат»), как и сто лет тому назад. Так, во время взрыва в г. Бостоне в апреле 2013 г. террористы использовали самодельные взрывные устройства, заложенные в скороварки и начиненные обыкновенными гвоздями и шарикоподшипниками. К несчастью, этих элементарных средств оказалось вполне достаточно, чтобы убить трех и ранить более 180 чел. Скорее всего, подобные теракты не должны включаться в понятие «технологического терроризма».

В то же время теракты, при которых высокая массовость поражения достигается без привлече-

ния наукоемких объектов, можно рассматривать как пограничную ситуацию. Ведь рациональное планирование максимизации жертв с использованием простых средств требует от террориста креативного мышления и специальных знаний, а потому сходно с процессом научного творчества. Например, если террористы зимой в 30-градусный мороз выведут из строя ТЭС, которая была построена несколько десятилетий назад, но продолжает исправно снабжать теплом какой-нибудь российский райцентр, то это определенно создаст чрезвычайную ситуацию техногенного характера. В нашем условном примере старую ТЭС никак нельзя назвать наукоемким объектом (хотя для ее разрушения обязательно нужны специальные знания), а при нападении террористы могут использовать «старый добрый» динамит. В данном примере не фигурируют никакие высокие технологии, однако его допустимо рассматривать, если не как акт технологического терроризма, то, по крайней мере, как явление, близкое к нему. Чтобы использовать или разрушать наукоемкие объекты, участники и/или организаторы технологического терроризма обязательно должны обладать нетривиальными знаниями, превосходящими обычный уровень. Иначе говоря, акт технологический терроризм предполагает интеллектуализацию террористической деятельности.

Таким образом, технологический терроризм – это

1) *наукоемкий* (интеллектуальный) терроризм, использующий нетрадиционные (не общеизвестные) для современного общества орудия/приемы нападения и/или нападающий на нестандартные объекты;

2) *массовый* терроризм, стремящийся к поражению (убийству, нанесению ущерба здоровью, материальному разорению) не единиц, а десятков, сотен, тысяч жертв.

²⁷ Наша трактовка парадоксально близка к тому, что писал о тенденциях изменения преступности выдающийся российский ученый-криминалист И.Н. Якимов почти 90 лет назад: «Современные преступники изучают и пользуются для осуществления своих преступных целей последними научными открытиями и изобретениями в области технических и естественных наук, и в нужных случаях прибегают к ним, обнаруживая подчас солидное их знание и мастерство. Наиболее характерными чертами деятельности современных преступников, с одной стороны, является «технизм», а с другой – жестокость при совершении преступлений». См.: Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. С. 5–7.

²⁸ Полежаев А.П., Савелий М.Ф. Терроризм и антитеррористические меры (организация, методы и средства). М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. С. 20 – 24.

Согласно предложенному подходу, акты технологического терроризма сразу в двух аспектах отличаются от «классических» (типичных для терроризма XIX – первой половины XX вв.) актов террора (Табл. 1). Технологический

терроризм – не традиционный (с использованием примитивных инструментов или объектов) и не адресный (индивидуальный), рассчитанный на поражение заведомо небольшого количества людей.

Типология разновидностей актов терроризма

Орудия/объекты нападений	Количество жертв	Единичные жертвы	Массовые жертвы
	Элементарные объекты, использование / разрушение которых не требует специальных знаний	Традиционный адресный терроризм	Традиционный массовый терроризм
Научноёмкие объекты, для использования / разрушения которых нужны специальные знания	Научноёмкий адресный терроризм	Научноёмкий массовый (технологический) терроризм	

Предложенное определение технологического терроризма отчасти включает привычную его трактовку (использование высокотехнологических средств и/или разрушение высокотехнологических объектов) как частный случай более широкого подхода к пониманию изучаемого явления. В то же время он уточняет традиционную трактовку, отсекая некоторые ее компоненты (адресный террор с использованием высокотехнологических средств выведен за рамки технологического терроризма в строгом смысле слова).

Технологический терроризм как постиндустриальный терроризм

Выделение наукоёмкости в качестве одной из главных характеристик технологического терроризма требует выхода за пределы юридического подхода и осмысления изучаемого явления с точки зрения общих тенденций общественного развития. По нашему мнению, технологический терроризм правомерно трактовать не только как одну из форм терроризма, но и как одну из стадий развития терроризма.

Хотя террорология развивается уже почти полвека, она еще далеко не в полной степени осмыслена как часть обществоведения (а не только криминологии и юриспруденции). В результате по общей истории терроризма специальных научных исследований мало, в работах по этой теме

эмпирика превалирует над теоретическим обобщением²⁹. Хотя есть много глубоких работ по поводу конкретных периодов развития разных видов терроризма в отдельных странах, но пока «за деревьями плохо виден лес».

Согласно концепции постиндустриального общества в развитии человеческой цивилизации выделяется три стадии – доиндустриальное (аграрное) общество, индустриальное (промышленное) общество и постиндустриальное (сервисное) общество. Фундаментальные различия этих трех исторических эпох характеризуют следующим образом: в доиндустриальном обществе работник «растворен» в общинных сообществах и занят ручным трудом; в индустриальном обществе возникает разделение труда, ручной труд заменяется машинным; наконец, в постиндустриальном обществе происходит интеллектуализация труда, главной формой труда становится умственный труд.

Если рассмотреть историю терроризма в контексте теории постиндустриального общества, то можно заметить, что общие характеристики исторических эпох проецируются на характеристики терроризма, специфичного для каждой из стадий развития (Табл. 2). Глобальную историческую эволюцию терроризма – нелегальной насильственной борьбы за изменение политического режима – можно квалифицировать как изменение типичных субъектов, объектов и средств терактов.

²⁹ См., например: *Киреев М.П., Акиев М.Х.* Исторические этапы развития и понимания терроризма // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4.

Историческая эволюция терроризма

Характеристики терроризма	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Стадии развития терроризма	«Кинжальный терроризм»	«Динамитный терроризм»	«Технологический терроризм»
Субъекты терроризма	Члены организаций-сект	Участники «машины террора»	Креативные / интеллектуальные террористы
Объекты терроризма	Представители враждебного государственного аппарата		Хозяйственные объекты
	Обычные граждане		
Средства терактов	Ручное (холодное) оружие	Огнестрельное оружие, динамит	Наукоемкие средства
Структуры террористических организаций	Иерархические структуры		Сетевые структуры

В доиндустриальных обществах терроризм как устойчивое социальное явление возникает редко, называют лишь два примера – иудейских сикариев (I век н.э.) и ближневосточных ассасинов (XI-XIII вв.). В обоих случаях террор осуществляли религиозные фанатики, нападавшие в основном на представителей враждебного государства. Эту «зародышевую» стадию терроризма можно условно назвать «кинжальным терроризмом» – терроризмом, использующим ручные орудия «труда».

В индустриальных обществах со второй половины XIX века формируется своего рода «машина террора» с жестким разделением труда на идеологов, руководителей и исполнителей терактов. Индустриальное производство дает террористам оружие, которым пользоваться может практически любой человек с самой минимальной подготовкой. В тот же период происходит постепенный переход (по мере повышения убойной силы оружия и по мере развития «массового общества») от «точечных» терактов против «враждебного государства» к массовым терактам, жертвами которых могут стать любые люди. Эту основную стадию терроризма можно условно назвать «динамитным терроризмом»: именно организация взрывов бомб наиболее ярко демонстрирует поляризацию террористов (как и участников машинного производства) на «менеджеров» и простых исполнителей, а также установку на массовое убийство обычных граждан.

В постиндустриальном обществе появляются такие хозяйственные объекты (прежде всего,

инфраструктурные и экологические), удары по которым могут нанести серьезный ущерб обществу в целом и которые, естественно, становятся новыми объектами для терактов. Самое главное, появляются террористы нового вида – креативные и интеллектуальные, способные к составлению оригинальных планов терактов и к использованию наукоемких технологий. Новому виду террористов соответствует и новая форма террористических организаций: на смену традиционным централизованно-иерархическим структурам приходят сетевые структуры, члены которых обмениваются знаниями и идеологемами, но самостоятельно планируют и осуществляют теракты. Эта высшая стадия терроризма и есть так называемый «технологический терроризм».

Таким образом, технологический терроризм можно определить как *стадию развития терроризма, соответствующую постиндустриальному обществу, для которой характерен сдвиг от рутинных терактов с использованием традиционных видов оружия к креативному планированию терактов с применением наукоемких средств.*

Поскольку переход к постиндустриальному обществу далеко не завершен даже в наиболее развитых странах, социально-экономические институты технологического терроризма в настоящее время тоже находятся в стадии генезиса. Из-за сильных противодействующих факторов (об этом пойдет речь в финальном разделе статьи) переход от традиционного «динамитного терроризма» к «технологическому терроризму» может вообще не завершиться, остаться лишь тенденцией.

Рожденные эпохой НТР наукоемкие средства, с которыми связаны угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера и, следовательно, акты технологического терроризма можно с некоторой долей условности разделить на три следующие группы:

1) инфраструктурные технологии:

1.1. технологии информационной инфраструктуры (информационные технологии – компьютерные программы, компьютерные базы данных),

1.2. технологии транспортной инфраструктуры (транспортные технологии – самолеты, поезда, танкеры, линии метро и др.),

1.3. технологии социальной инфраструктуры (ЖКХ, ТЭС и др.);

2) средства массового поражения (оружие массового поражения и невоенные объекты, которые могут быть подобны такому оружию):

2.1. ядерные/радиационные объекты,

2.2. химические объекты,

2.3. бактериологические объекты;

3) объекты экологической среды³⁰.

Первые две группы объектов сомнений не вызывают – они являются продуктами наукоемких (постиндустриальных) технологий, их использование/уничтожение может вызвать катастрофу. Правомерность третьей группы – экологических объектов – выглядит сомнительной, поскольку окружающая среда сама по себе вряд ли является наукоемким средством/объектом. Однако теракты против объектов экологической среды тоже органически связаны с постиндустриальным развитием. Дело в том, что именно при переходе к постиндустриальному обществу сохранение окружающей среды становится не только важным условием хозяйственной жизнедеятельности, но и приобретает самоценность. Поэтому, если в индустриальную эпоху террористам было бы трудно угрожать, например, сливом химикатов в реку, то в постиндустриальном мире угроза террористов, предположим, взорвать танкер и залить при-

брежные воды нефтью будет восприниматься как **очень** опасная угроза.

Предложенный список «постиндустриальных» объектов, с которыми могут быть связаны акты технологического терроризма, является открытым, с течением времени к нему могут добавляться новые элементы. Например, по мнению Н.П. Требина, в будущем возможно появление космического терроризма – использование террористами космических летательных аппаратов (нанесение ударов по земным объектам из космоса, уничтожение космических аппаратов)³¹.

Строго говоря, поскольку в околоземном пространстве сейчас летают сотни космических аппаратов, космический терроризм виртуально (как потенциальная возможность, например, перехватить управление спутником) существует уже в настоящее время. Хотя он и существенно менее реален, чем ядерный терроризм.

Приведем теперь конкретные примеры каждой из трех разновидностей технологического терроризма.

Разрушительное криминальное использование информационных технологий нередко называют «кибертерроризмом». Примеров можно привести очень много. Наиболее разрушительным актом считают запуск в Интернет в мае 2000 г. вируса «I love you» филиппинским хакером; в результате было разрушено 45 млн компьютерных сетей, нанесен материальный ущерб на 6-7 млрд долл. США. Поскольку управление сложными объектами в настоящее время осуществляется при помощи информационных технологий, хакеры могут нападать на любые ранее перечисленные постиндустриальные объекты. Так, в ноябре 2011 г. анонимная хакерская атака на компьютерную систему одной из водоочистных станций в США привела к выводу из строя части оборудования.

Однако хакеры, как правило, не выступают с политическими требованиями, поэтому причисление хакерских атак к актам терроризма является очень условным. Собственно террористические

³⁰ Некоторые объекты можно отнести более чем к одной группе: например, АЭС и водоочистные станции являются, с одной стороны, объектами социальной инфраструктуры, а с другой, – потенциальными средствами массового поражения (АЭС может стать радиационным объектом, водоочистная станция с большими хранилищами хлора может превратиться в химическое оружие).

³¹ Требин Н.П. Терроризм в XXI веке. Минск: Харвест, 2003. С. 755 – 771.

организации активно используют компьютерные сети для пропаганды и для обмена информацией, но до настоящего момента не организовывали терактов при помощи компьютеров. В литературе можно найти сообщения, например, о «войне» палестинских и израильских хакеров в октябре 2000 г., но эти действия больше похожи на активную пропаганду, чем на «настоящие» теракты³².

Ярким примером технологического терроризма, связанного с транспортными технологиями, являются события 11 сентября 2001 г. – атака исламистов, захвативших пассажирские самолеты, на Всемирный торговый центр и на Пентагон. От теракта погибло более 3 тыс. чел., убытки по оценке МВФ превысили 21 млрд долл. США.

Этот теракт мгновенно стал символом терроризма XXI века не только из-за огромного количества погибших, но и благодаря очевидной интеллектуальности разработчиков и исполнителей теракта. Ведь план террористов предусматривал не только захват самолетов, но и перехват управления специально обученными пилотами-террористами, синхронизацию точных ударов по Всемирному торговому центру и Пентагону, а также заблаговременную игру на фондовой бирже, основанную на знаниях о том, какие фирмы пострадают от теракта.

Ни один из других терактов даже близко не приблизился к этому «шедевр» креативности. Хотя раньше и позже террористы многократно захватывали и взрывали самолеты, все эти теракты трудно отнести к технологическому терроризму, поскольку их выполнение не предполагало, насколько известно, никаких особо креативных и наукоемких элементов.

Примеры технологического терроризма, связанного с технологиями социальной инфраструктуры, известны, но в данной сфере резонансных событий пока не происходило. Частично реализованным терактом такого типа является нападение террористов-исламистов в июле 2010 г. на Баксанскую ГЭС, в результате чего была взор-

вана часть оборудования электростанции, но перерывов в энергоснабжении не происходило. Через два года отремонтированная электростанция возобновила работу.

Наиболее опасными примерами технологического терроризма считают теракты, связанные со средствами массового уничтожения. Такие примеры есть, хотя они немногочисленны.

Согласно доступной информации известны сотни примеров краж радиоактивных материалов, а также эксцессов в отношении атомных электростанций, однако лишь в единичных случаях можно говорить о причастности к этому террористических организаций. Самым известным (и по существу единственным) примером частично реализованного ядерного (точнее, радиоактивного) терроризма является размещение в ноябре 1995 г. чеченскими террористами контейнера с динамитом и радиоактивным материалом («грязной бомбы») в Измайловском парке г. Москвы³³. Это событие, однако, не вызвало ни жертв, ни существенного общественного резонанса, на который рассчитывали националисты.

Единственным реализованным актом химического терроризма стало распыление членами японской тоталитарной секты «Аум Синрикё» отравляющего газа зарин сначала в июне 1994 г. в провинциальном городе Мацумото, а затем в марте 1995 г. в метро Токио. В результате этих терактов погибло 19 чел., получили отравления различной степени тяжести еще 5-6 тыс. чел.

Другая тоталитарная секта, «Ошо Раджниша», стала новатором в применении бактериологического оружия. В сентябре 1984 г. она организовала отравление сальмонеллезом еды в ресторанах американского городка Даллес, в результате чего заболели более 700 чел.³⁴

Но «шоковую» известность приобрел другой акт биотерроризма – рассылка в США в сентябре-октябре 2001 г. писем со спорами сибирской язвы от имени исламистов. От этого теракта умерли 5 чел., еще 17 заболевших смогли выздо-

³² Пропалестинские хакеры по возможности разрушали любой тип израильских сайтов, заменяя их содержание сообщениями под рубрикой «За свободную Палестину» или «Свободный Кашмир». См.: *Моторный И.Д.* Защита гражданских объектов от терроризма: Научно-практическое пособие. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2005.

³³ *Аллисон Г.Т.* Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 43 – 44.

³⁴ *Требин Н.П.* Указ. соч. С. 696.

роветь; зараженные здания пришлось подвергать дорогостоящим процедурам обеззараживания. Отнесение этого события к терактам многие подвергают сомнению, поскольку виновным в рассылке был официально объявлен правительственный научный сотрудник Б. Айвинс, покончивший самоубийством в 2008 г. Одни считают его террористом-одиночкой (подобно Унобомберу или Тимоти Маквею), другие – провокатором, который выполнял приказ спецслужб, заинтересованных в разжигании антитеррористического психоза.

Знаковым (и единственным) примером экологического терроризма, связанного с покушением террористов на объекты экологической среды, является взрыв исламистами в октябре 2002 г. французского супертанкера «Лимбург» при помощи дистанционно управляемого катера со взрывчаткой у берегов Йемена. Из-за разлива нефти возникла угроза экологической катастрофы, которую удалось предотвратить.

Некоторые из приведенных примеров (когда орудие теракта относится к одному типу технологий, а объект теракта – к другому типу) можно отнести одновременно сразу к двум разновидностям технологического терроризма. Например, взрыв «Лимбурга» может одновременно считаться актом как транспортного, так и экологического терроризма.

Парадокс редкости технологического терроризма

Поиск примеров технологического терроризма обращает внимание на то, что акты технологического террора встречаются довольно редко. Количество несомненных случаев реализованных актов технологического терроризма можно пересчитать по пальцам одной руки – это массовое заражение сальмонеллезом в сентябре 1984 г., зариновые атаки 27 июня 1994 г. и

20 марта 1995 г., самолетная атака 11 сентября 2001 г. и взрыв танкера 7 октября 2002 г.

Есть, правда, большое количество инцидентов, называемых «кибертерроризмом», но, как было указано ранее, их совершают в основном хакеры, причисление которых к террористам является весьма условным. Существует очень большое количество сообщений о том, что различные террористические организации пытались получить доступ к средствам для совершения актов технологического терроризма (например, радиоактивным материалам), либо угрожали применить эти средства, однако есть подозрения, что эти действия террористов были изначально направлены скорее на демонстрацию угроз, чем на их реализацию. После событий начала 2000-х гг. на протяжении уже десятилетия не происходило никаких резонансных событий, которые можно было бы отнести к технологическому терроризму.

Известно, с 90-х гг. прошлого столетия акты террора с высоким уровнем поражающего фактора становятся частыми как за рубежом, так и в России. Это связано, прежде всего, с тем, что основную роль в мировом терроризме стал играть исламистский терроризм, идеологически оправдывающий убийства не только вражеских солдат, но и иноверцев как таковых.

Под влиянием исламистского терроризма произошло ужесточение всех форм терроризма: в современном мире террорист любой идеологической окраски (милитмен, фашист, анархист, религиозный сектант, националист и т.п.) знает, что существенное влияние на общественное мнение и на позицию правительства может оказать только убийство (либо угроза убийства) многих людей⁵.

Однако если взглянуть на список наиболее крупных терактов последних лет, то, как уже указывалось, с некоторым удивлением можно обнаружить, что в XXI веке террористы по-прежнему используют обычную взрывчатку и стандартное стрелковое оружие. Террористы демонстриру-

⁵⁵ «Прошлый терроризм избирал конкретных лиц в связи с их государственной или общественной деятельностью: царей, министров, губернаторов и т. д. Сегодня террористы наряду с адресными практикуют массовые убийства. И при этом главное открытие современного терроризма заключается в том, что можно и нужно совершать массовые убийства, так как именно эти убийства или их угроза расчищают дорогу к цели. Из досадных издержек посторонние жертвы превратились в одно из самых действенных средств современного терроризма». См.: Терроризм: борьба и проблемы противодействия: Учеб. пособие для студентов юрид. вузов / Под ред. В.Я. Кикотя, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 213.

ют странное равнодушие к научно-техническим достижениям, хотя их использование далеко не всегда требует значительных затрат (например, химическое оружие называют «оружием массового уничтожения для бедных») и гиперсложных знаний³⁶.

Существует, таким образом, парадоксальное противоречие между ростом числа терактов в последние десятилетия и слабым вниманием террористов к относительно доступным наукоемким орудиям и объектам нападения с высокой разрушительной силой. Не случайно некоторые исследователи выражают сомнения в объективном существовании «биотерроризма», «атомного терроризма», «кибертерроризма» и т.д. как устойчивого социального явления.

Парадоксальному противоречию между жестокостью современного терроризма и относительно слабым проявлением технологического терроризма можно дать несколько взаимодополняющих объяснений, основанных на анализе технологического терроризма как социокультурного явления³⁷.

Во-первых, поскольку акты технологического терроризма вызывают наиболее резкую критику правительства (особенно, после событий 2001 г.), можно предположить, что во всех странах государственные правоохранительные ведомства и службы безопасности уделяют приоритетное внимание предотвращению именно таких, потенциально наиболее опасных терактов. Государственные организации по бюрократическим соображениям должны так поступать, даже если много «пропущенных» обычных терактов объективно наносят более сильный ущерб, чем мог бы нанести один предотвращенный акт технологического терроризма.

В литературе можно встретить информацию о сотнях предотвращенных попытках терро-

ристов приобрести или создать опасные радиационные, химические и биологические вещества. В таком случае ранее перечисленные примеры технологического терроризма являются результатом случайной (в некоторых случаях, возможно, сознательной) недоработки, практически все теракты подобного рода пресекаются на стадии их подготовки.

Во-вторых, (и это, возможно, более важно), террористические организации должны рационально стремиться избегать полномасштабных актов технологического терроризма. Для этого есть серьезные основания. Анализ хорошо известных актов технологического терроризма (прежде всего, зариновой атаки в токийском метро в 1995 г. и самолетных атак 11 сентября 2001 г. в США) показывает, что они хотя и повергают общество на первых порах в шоковое состояние, но, в конечном счете, оказываются для террористов неэффективными.

Ведь «Аун Синрикё» быстро была разгромлена, «Аль-Каида», в конце концов, тоже оказалась в похожем положении. После совершения «шокирующих» терактов у террористов оказалось не больше, а меньше шансов влиять на общественное мнение и, тем более, на решения правительств. Поэтому террористические организации должны рационально искать определенную «золотую середину»: совершаемые ими теракты должны быть достаточно «громкими», чтобы угрозы террористов влияли на общество, но не до такой степени кровавыми, чтобы общество и государство решились на полное уничтожение опасной организации любой ценой (с нарушением демократических «правил игры»³⁸).

Даже совершая акты технологического терроризма, террористы нередко как бы сдерживают силу удара – скорее демонстрируют свои возможности, чем реально их полностью используют.

³⁶ В литературе можно найти следующую статистическую оценку: по данным Консультативной группы по оценкам национальных возможностей по борьбе с терроризмом с применением оружия массового уничтожения (Комиссии Гилмора), в 1968-2001 гг. из примерно 9 тыс. зафиксированных терактов признаки замыслов или попыток применить химическое либо бактериологическое оружие есть менее чем в 100 случаях – то есть примерно в 1% всех терактов. См.: Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Под ред. А.В. Возженникова. М.: Эксмо, 2007. С. 419.

³⁷ Некоторые идеи этого подхода были ранее изложены в работе: *Некишев В.Л., Некишев А.В.* Технологический терроризм. К проблеме генезиса // Закон и право. 2006. № 12.

³⁸ Возможность применения откровенно не демократических мер в ответ на «супертеррор» прямо обсуждается, например, в работе: *Дершовиц А.М.* Почему терроризм действует. М.: РОССПЭН, 2005.

Это заметно, в частности, на примерах биотерроризма: в обоих широкоизвестных случаях использовались препараты, которые принципиально не могли вызвать массовую эпидемию. К актам технологического терроризма, как показывают факты, наиболее склонны субъекты с пониженной рациональностью – религиозные фанатики; более «вменяемые» право- и леворадикальные террористы не совершили ни одного подобного теракта.

В-третьих, (и это, вероятно, наиболее важно), совершение актов технологического терроризма крайне затруднено нехваткой «кадров» – трудно найти людей, которые были бы склонны как к террористической, так и к креативной деятельности. Террористами чаще всего становятся люди с пониженной рефлексией, фанатично верящие в какую-то идею, выходцы из нижних слоев. Для представителей научной (шире – интеллектуальной) среды типичны, напротив, установка на скептицизм (склонность оспаривать шаблонные истины, искать нетривиальные ответы), они обычно являются выходцами из средних слоев. Разница между этими двумя типами людей является различием между теми, кто не может вполне адаптироваться даже в индустриальном обществе, и теми, кто адекватен постиндустриальному обществу.

Ученые-обществоведы, склонные к нонконформизму, могут стать идеологами терроризма (как, например, идеолог итальянских «красных бригад» А. Негри). Но для планирования актов технологического терроризма нужны ученые-техники (как Н.И. Кибальчич), которые, как правило, аполитичны (хотя могут быть корыстолюбивы, как Абдул Хан, «отец» пакистанской атомной бомбы). Поэтому террорист-ученый, который смог бы спланировать акт технологического терроризма, и даже креативный террорист-исполнитель, который смог бы выполнить такой акт, – это очень редкое явление³⁹.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что эта несовместимость креативной и террористической психологии не является абсолютной. Смогла же ведь «Аль-Каида» спланировать теракт 11 сентября 2001 г. и подобрать фанатично-рациональных исполнителей, хотя террорологи отмечают, что эти исполнители по своим личностным характеристикам были не типичны для террористического социума.

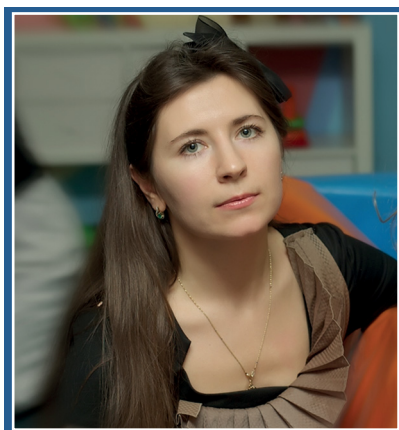
Скорее всего, справедливы (хотя и в разной степени) все три объяснения ограниченности технологического терроризма. В таком случае человечество может себя успокаивать тем, что прогресс общества одновременно увеличивает поражающую силу оружия и снижает вероятность того, что террористы смогут таким оружием воспользоваться. Факты показывают, что математическое ожидание потерь от постиндустриального «технологического терроризма» (произведение величины ожидаемых потерь на вероятность терактов) ниже, чем математическое ожидание потерь от индустриального «динамитного терроризма». Однако эту успокоенность не следует преувеличивать: события 11 сентября 2001 г. показали, что маловероятные события все же могут происходить, а для разрушения современной цивилизации вполне может хватить и одного успешного акта «супертеррора».

³⁹ Террористы в принципе могли бы нанимать ученых «со стороны». Однако следует учитывать, что алгоритмы технологического терроризма нельзя тиражировать (один удачный «шоковый» теракт вызывает резкое усиление мер контроля, в отличие от обычных терактов), поэтому «изобретение» нового наукоемкого способа террора даст лишь одноразовый эффект. Поэтому наукоемкие способы террора должны иметь в глазах террористов сомнительную эффективность: необходимо потратить большие усилия на поиск информации, на подбор подходящих людей, на освоение наукоемких технологий, принимать повышенные меры секретности, а в результате удастся (если удастся!) сделать один-единственный удачный теракт.

Наиболее крупные террористические акты (2003-2012 гг.)
(в выборку включены теракты с количеством человеческих жертв более 100 чел.⁴⁰)

Год	В России / За рубежом
2012	В России • 3 мая – взрывы машин в Махачкале: убито 13 человек, ранено около 90
2011	В России • 24 января – взорвана бомба в Москве в аэропорту Домодедово: 37 человек погибло, ранения получили 170 человек За рубежом • 25 декабря – серия взрывов бомб в городах Нигерии: более 40 убитых, сотни раненных; • 23 декабря – взрывы заминированных автомобилей у зданий сил безопасности: 44 убитых, более 150 раненных; • 26 августа – взрыв штаб-квартиры ООН в Абудже (Нигерия): 23 убитых, 81 раненный; • 19 августа – взрыв мечети в Пакистане: более 50 человек убито, несколько сотен ранено; • 22 июля – двойной теракт А. Брейвика в Норвегии: 77 убитых, 151 раненный; • 13 июля – взрывы в Мумбае (Индия): погибли 19 человек, 131 человек ранены; • 11 апреля – взрыв на станции метро в Минске (Белоруссия): убито 15 человек, более 200 ранено; • 1 января – взрыв у церкви в Александрии (Египет): погибли 23 человека, 97 человек ранены
2010	В России • 9 сентября – взорвана бомба на рынке Владикавказ: 17 человек погибли, 158 человек ранено; • 29 марта – взрывы в московском метро: погиб 41 человек, 88 ранено За рубежом • 1 января – в Лаки Марват (Пакистан): взорван автомобиль у спортивной площадки (убито 96 человек, около 100 человек ранены)
2009	В России • 17 августа – взрыв машины на территории ОВД в Назрани: 25 человек убито, 136 ранено; • 27 ноября – крушение поезда «Невский экспресс»: 28 человек убито, ранено более 130 человек
2008	За рубежом • 26 ноября – нападения террористов в Мумбае (Индия): более 170 человек убито, более 200 ранено; • 21 сентября – взрыв самосвала в Исламабаде (Пакистан): около 60 человек убито, более 260 ранено; • 13 мая – взрывы в Джайпуре (Индия): более 60 убито, более 200 ранено
2007	За рубежом • 18 октября – взрывы в Карачи (Пакистан) с целью убийства президента Беназир Бхутто: 140 человек убито, более 500 ранено; • 18 февраля – взрыв в поезде в Индии: 68 человек убито, более 100 ранено)
2006	За рубежом • 10 октября – взрыв грузовика со взрывчаткой в колонне военных в Шри-Ланка: убито более 100 человек; • 11 июля – серия взрывов в электричках Мумбая (Индия): 200 человек убито, более 800 ранено; • 15 июня – взрыв пассажирского автобуса в Шри-Ланка: убито 64 человека; • 24 апреля – взрывы в Дахабе (Египет): 22 человека убито, около 150 ранены
2005	В России • 13 октября – нападение на Нальчик: убито 33 сотрудника правоохранительных органов и 12 мирных жителей, более 100 раненых За рубежом • 29 октября – взрывы в Дели (Индия): убито 60 человек, около 190 ранено; • 23 июля – взрывы на курорте Шарм эль-Шейх (Египет): 88 человек убито, более 200 ранено; • 7 и 21 июля – взрывы в Лондоне (Великобритания) в автобусе и в метро: убито 52 человека, более 700 ранено
2004	В России • 1-3 сентября – захват школы в Беслане: погибло 334 человека, более 800 раненных; • 24 августа – одновременно взорваны два самолета: погибло 87 человек; • 21-22 июня – прорыв боевиков в Ингушетию: погибло 98 человек, 104 ранены; • 6 февраля, 31 августа – взрывы в Москве в метро: убиты 51 человек, 175 ранено За рубежом • 7-8 октября – взрывы в египетских отелях: убито 34 человека, ранены 122; • 21 апреля – взрыв министерства безопасности Саудовской Аравии: убито 10 человек, не менее 125 ранено; • 11 марта – взрывы в Мадриде (Испания) в пригородных поездах: убиты 191 человек, более 1500 ранено
2003	В России • 5 декабря – взрыв электропоезда в Ессентуках: убито 47 человек, 180 ранено; • 1 августа – подрыв военного госпиталя в Моздоке: убито 50 человек, 82 ранено; • 12 мая – взрыв у зданий администрации и УФСБ с. Знаменское: убито 52 человека, ранены 199 За рубежом • 15 и 20 ноября – серия взрывов в Стамбуле (Турция): 58 человек убито, более 600 ранено; • 9 ноября – серия взрывов в Саудовской Аравии: убито 18 человек, более 120 ранено; • 25 августа – взрывы такси в Мумбае (Индия): 52 человека убито, 150 ранено; • 5 августа – взрыв в отеле в Джакарте (Индонезия): убито 14 человек, 150 ранено; • 17 мая – серия взрывов в Касабланке (Марокко): убито 29 человек, около 100 ранено; • 13 мая – серия взрывов в Саудовской Аравии: убито 34 человека, 194 ранено; • 7 февраля – взрыв в элитном клубе в Боготе (Колумбия): убито 35 человек, более 170 ранены

⁴⁰ В таблице не показаны теракты в Ираке и Афганистане, поскольку в этих странах в 2003-2012 гг., по существу, шла война, в которой постоянные теракты схожи с боевыми диверсиями. В некоторых случаях отмечены теракты с числом жертв менее 100 чел., если в результате теракта было убито более 50 чел.

М.В. Кешнер / M. Keshner

доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук

Международные санкции в стратегии борьбы с финансированием терроризма

The international sanctions in strategies against the financing of terrorism

В представленной статье исследуется санкционный механизм Совета Безопасности ООН, действующий в целях пресечения финансирования терроризма. Рассматриваются содержание и имплементация международных санкций как на международном, так и национальном уровнях. Анализируются проблемы и тенденции международно-правового регулирования их применения.

Ключевые слова: международные санкции, финансирование терроризма, замораживание финансовых активов, резолюции Совета Безопасности ООН, Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН.

In the present article author investigates the mechanism of the UN Security Council sanctions in order to suppress the financing of terrorism. Regarded the content and the implementation of international sanctions, both at the international and national levels are in the focus. It provides the analysis of the problems and trends of international legal framework for their use.

Keywords: international sanctions, financing of terrorism, freezing of terrorist assets, UN Security Council Resolution, the UN SC Counter-Terrorism Committee.

Окончание статьи.

Начало в предыдущем номере журнала.

Национально-правовая имплементация осуществления санкционных режимов предполагает трансформацию соответствующих международно-правовых норм. Речь идет в первую очередь об издании компетентными органами государства внутригосударственных правовых актов, а также о последующем принятии административных распоряжений и мер, адресованных

органам государственного управления, юридическим лицам и гражданам, призванных обеспечить санкционное воздействие на адресатов санкций.

По общему правилу, государство, не являющееся членом международной организации, не может быть обязано принимаемыми ею постановлениями. Однако в случае введения Советом Безопасности ООН санкций для поддержания или восстановления международного мира и безопасности на основании главы Устава ООН, государство – не член ООН обязано, если не уча-

ствовать в осуществлении санкционного режима против подобного объекта-правонарушителя, то, по крайней мере, не оказывать ему поддержки. Иное означает отказ такого государства сообразовать свое поведение с решением Совета Безопасности ООН по обеспечению особо значимой императивной нормы, что следует считать равнозначным несоблюдению этой нормы и, следовательно, создает предпосылки применения против данного государства международных санкций.

Принимая во внимание глобальный характер такой угрозы международному миру и безопасности, каким является терроризм, в резолюциях, принимаемых Советом Безопасности ООН, предусматривается обязательное участие в осуществлении санкционного режима всех государств. Так, в резолюции 1363 (2011 г.) Совет Безопасности ООН, «действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, постановляет, что все государства обязаны принять меры, ранее введенные пунктом 8 (с) резолюции 1333 (2000 г.) и пунктами 1 и 2 резолюции 1390 (2002 г.) в отношении «Аль-Каиды», а также других связанных с ней лиц, групп, предприятий и организаций, включая тех, о которых говорится в разделе С («Лица, связанные с „Аль-Каидой“») и разделе D («Организации и другие группы и предприятия, связанные с „Аль-Каидой“») сводного перечня, составляемого в соответствии с резолюциями 1267 (1999) и 1333 (2000 г.), а также тех, которые были включены в Перечень после даты принятия настоящей резолюции, который отныне будет называться «Санкционный перечень в отношении «Аль-Каиды»»¹.

В России вопросы участия в санкционных режимах Совета Безопасности ООН относятся к компетенции Президента Российской Федерации. Так, санкционный режим, введенный Советом Безопасности ООН в отношении «Аль-Каиды», реализуется согласно следующим указам Президента Российской Федерации:

- Резолюция Совета Безопасности ООН 1267 от 15 октября 1999 г. – Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2000 г. № 786 (ред. от 17 апреля 2002 г. № 393) «О мерах по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН 1267 от 15 октября 1999 г.»;

- Резолюция Совета Безопасности ООН 1333 от 19 декабря 2000 г. – Указ Президента Российской Федерации от 5 мая 2000 г. № 786 (ред. от 17 апреля 2002 г. № 393) «О мерах по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН 1333 от 19 декабря 2000 г.»;

- Резолюция Совета Безопасности ООН 1388 (2002 г.) от 15 января 2002 г. и 1390 (2002 г.) от 16 января 2002 г. – Указ Президента Российской Федерации от 17 апреля 2002 г. № 393 «О мерах по выполнению резолюций Совета Безопасности ООН 1388 от 15 января 2002 г. и 1390 от 16 января 2002 г.».

- Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. – Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 6 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г.».

Во исполнение упомянутых резолюций Совета Безопасности ООН Россией была проведена значительная работа, направленная на создание правовой базы в сфере противодействия финансированию терроризма. В частности, ратифицированы Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма и Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом².

Уголовный Кодекс Российской Федерации дополнен ст. 205-1³, устанавливающей уголовную ответственность за вовлечение лица в совершение преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277 и 360 Кодекса, или склонение лица к участию в деятельности террористической организации, вооружение либо обучение лица в целях совершения указанных преступлений, а равно финансиру-

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН. S/RES/1363(2011) // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/300/46/PDF/N9930046.pdf?OpenElement>

² Федеральные законы от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ и от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ соответственно.

³ «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению».

ние акта терроризма либо террористической организации.

Внесены существенные дополнения в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ⁴, направленные на устранение пробелов этого законодательного акта в плане создания правового механизма противодействия финансированию терроризма, и приведения его в соответствии с международными стандартами в данной сфере⁵.

Так, в 2001 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), признавая исключительную важность борьбы против финансирования терроризма, приняла 9 специальных рекомендаций по борьбе с финансированием терроризма, которые (совместно с 40 рекомендациями ФАТФ) устанавливают основные рамки для выявления, предотвращения и прекращения финансирования терроризма⁶.

Следует отметить, что обновленная редакция рекомендаций была принята на пленарном заседании ФАТФ в феврале 2012 г. (Париж). Кроме того, в настоящее время разрабатывается новая Методология оценки соответствия указанным ранее рекомендациям.

Обновленная редакция рекомендаций и Методология, а также Руководство для стран и экспертов по проведению оценок и взаимных оценок по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ) в своей совокупности представляют свод организационно-правовых мер. Такие меры направлены на создание в каждой стране эффективного режима противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Особо надо подчеркнуть, что универсальность указанных мер выражается в:

- максимальном спектре вопросов, связанных с организацией ПОД/ФТ на национальном и международном уровнях;
- тесной взаимосвязи с международными конвенциями, резолюциями Совета Безопасности

сти ООН, актами специализированных международных организаций, посвященными вопросам ПОД/ФТ;

- предоставлении странам возможности проявлять определенную гибкость при реализации всех рекомендаций ФАТФ с учетом национальной специфики и особенностей правовой системы.

Нужно акцентировать внимание на том существенном обстоятельстве, что приоритетное место в реализации режимов международных санкций занимает проблема их эффективности. Представляется, что при оценке эффективности международных санкций, направленных на противодействие финансированию терроризма, необходимо учитывать следующие факторы.

Во-первых, такие санкции в значительной степени уменьшают материальные возможности объекта, тем самым ограничивая потенциал для совершения дальнейших правонарушений. Во-вторых, санкции оказывают сдерживающее влияние на правонарушителя, масштабы его противоправного поведения и решимость повторения. Кроме того, введение и осуществление международных санкций, ориентированных на противодействие финансированию терроризма, демонстрируют твердую и консолидированную позицию международного сообщества в отношении терроризма.

В сфере противодействия финансированию терроризма Совет Безопасности ООН применил двойной подход:

- потребовал, чтобы все государства ввели законодательные и исполнительные меры в рамках осуществления режимов целенаправленных санкций;
- создал механизмы оказания помощи тем государствам, у которых возникают трудности в осуществлении упомянутого ранее.

В качестве позитивных результатов действия режимов международных санкций в рамках стратегии борьбы с финансированием терроризма необходимо отметить следующие. Движение «Талибан» отстранено от власти, ру-

⁴ В редакции от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ.

⁵ Речь идет о стандартах, разработанных Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

⁶ См.: FATF-GAFI. Financial Action Task Force on Money Laundering //Annual report 2002. Paris, 2003.

ководство «Аль-Каида» рассеяно и в меньшей мере способно сейчас направлять, планировать и финансировать террористические акты. Уже в первом докладе Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, учрежденной резолюцией 1526 (2004 г.) по организации «Аль-Каида» и движению «Талибан» и связанным с ними лицам и организациям был отмечен значительный прогресс: заморожено более 130 млн долл. США, принадлежащих лицам и организациям, связанным с террористическими организациями, более 90 государств создали специальные разведывательные подразделения, отслеживающие финансовые ресурсы террористов, более 130 государств представили отчеты об осуществляемых ими мерах по борьбе с терроризмом⁷.

Однако в настоящий момент санкционные режимы, направленные на противодействие финансированию терроризма, нуждаются в корректировке с учетом тенденций осуществления мобилизации, хранения и перемещения денежных средств. Экспертные оценки вопросов и проблем, непосредственно связанных с борьбой против финансирования терроризма, наглядно показывают, что большинство государств-членов сталкиваются с ограничениями относительно технического, финансового и кадрового потенциала.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются многие государства, является надлежащая проверка клиентов. В резолюции 1989 (2011 г.) Совет Безопасности ООН настоятельно призвал все государства-члены внедрить всеобъемлющие международные стандарты, воплощенные в сорока рекомендациях ФАТФ по борьбе с отмыванием денег и девяти специальных рекомендаций ФАТФ по борьбе с финансированием терроризма. Он также рекомендовал государствам использовать руководящие указания, содержащиеся в Специальной рекомендации III, для эффективного осуществления адресных контртеррористических санкций. Кроме того, всем государствам необходимо разработать подход к различным финансовым операциям, основанный на оценке риска. Это, в свою очередь, представля-

ет дополнительную трудность, усложняющую реализацию эффективных программ, нацеленных на проведение надлежащей проверки клиентов.

Государства, экономика которых основана на обороте наличных денежных средств и в которых наибольшая экономическая деятельность происходит за пределами формального сектора, испытывают особые трудности. Это особенно характерно в отношении стран Африки к югу от Сахары, где количество домохозяйств, пользующихся банками, оценивается лишь в 12%. Нерегулируемый альтернативный неформальный сектор может быть потенциальным каналом для незаконных сделок, и его исключение из процесса регулирования наносит несомненный ущерб осуществлению эффективного режима замораживания активов.

Многие неофициальные системы перевода денег или ценностей (такие как «хавала», «хунди») носят трансграничный характер и не вписываются в национальные правовые рамки. В то же время многие трудящиеся-мигранты пользуются такими системами, позволяющими им дешево и быстро переправлять денежные средства своим семьям. Ряд государств располагают сведениями, что такие системы могут использоваться для финансирования терроризма, однако пока еще не имеют четкого представления о масштабах их деятельности. Поэтому важно повысить уровень транспарентности в этом секторе и внедрить процедуры, позволяющие уменьшить данный риск, используя международные стандарты ФАТФ и передовой опыт. Меры реагирования, принимаемые государствами, должны быть гибкими и эффективными, а также соответствовать риску, связанному со злоупотреблением такими системами в целях финансирования терроризма.

Контроль над трансграничным перемещением наличности является еще одной мерой в сфере борьбы с финансированием терроризма. Общеизвестно, что использование услуг курьеров, перевозящих наличность, является одной из главных составляющих процесса перемещения денежных средств террористами. Несмотря на то,

⁷ Доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, учрежденной резолюцией 1526(2004) по организации «Аль-Каида» и движению «Талибан» и связанным с ними лицам и организациям (S/2004/679) // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/469/65/PDF/N0446965.pdf?OpenElement>

что в большинстве государств приняты законодательные меры (включая внедрение системы, требующей в пунктах пересечения границ представлять декларацию или раскрывать информацию о денежной наличности, сумма которой превышает установленный предел), не во всех государствах подобная система декларирования или раскрытия информации действует.

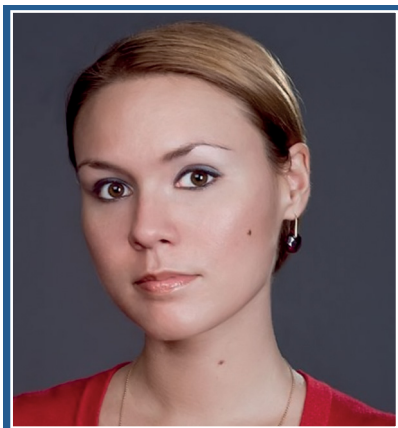
Как отмечается в последнем двенадцатом докладе Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, учрежденной резолюцией 1526 (2004) по организации «Аль-Каида» и движению «Талибан» и связанным с ними лицам и организациям, географический район самого слабого выполнения санкционных режимов – Африка, где из 33 государств, подвергшихся оценке, 6 были найдены частично выполняющими и 27 – не выполняющими (учитывая, что некоторые из них сами являются объектом санкций Совета Безопасности ООН: Демократическая Республика

Конго, Кот-д’Ивуар, Ливия, Сомали, Судан и Эритрея)⁸.

В заключение следует сформулировать обобщающий вывод, согласно которому международные санкции могут быть эффективными лишь в том случае, если Совет Безопасности ООН сумеет через свои группы экспертов, группы наблюдения контролировать осуществление санкционного режима и вносить коррективы в свою стратегию с тем, чтобы стимулировать соблюдение предъявляемых им к государствам требований. Однако необходимо отметить особую значимость национального уровня реализации санкционных режимов, вводимых Советом Безопасности ООН. Трудно недооценить, насколько эффективность санкционных режимов зависит от согласованных и добросовестных действий государств по исполнению соответствующих резолюций Совбеза ООН.

⁸ См.: Двенадцатый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представляемый в соответствии с резолюцией 1989 (2011) Совета Безопасности по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям. 1 October 2012 S/2012/729 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/284/21/PDF/N1228421.pdf?OpenElement>

Н.А. Коровникова / N. Korovnikova

доцент кафедры государственного
и муниципального управления РУДН,
кандидат политических наук

Патриотизм как основа ментальной¹ безопасности России

Patriotism as basis of Russia's mental security

В статье рассматривается понятие «патриотизм» как философский принцип, социологическая характеристика и психологический феномен; показана особая роль патриотизма в структуре политической культуры и в истории России; обоснована значимость патриотического воспитания в постсоветской России как условие ментальной (духовной) безопасности государства и общества.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, политическая идентичность, политическая культура, ментальное пространство, безопасность, постсоветская Россия

The article considers concept of «patriotism» as a philosophical principle, sociological characteristic and psychological phenomenon. It shows special role of patriotism in the structure of the political culture and history of Russia. The article substantiates the importance of patriotic upbringing in post-Soviet Russia as a condition of mental security of the state and society.

Keywords: patriotism, patriotic upbringing, political identity, political, mental space, national security, post-Soviet Russia

На протяжении последних десятилетий все постсоциалистическое пространство подверглось глубоким качественным трансформациям, которые изначально осуществлялись по принципу модернизации по западным образцам, другими словами, «вестернизации» (или, в более мягкой форме, «европеизации»), что, естественно, детерминировало материальный и ментальный облик

значительной части этих территорий, в первую очередь, стран Восточной Европы, Прибалтики, Грузии. Россия в ранний постперестроечный период подверглась аналогичным процессам, которые не просто не учитывали, а игнорировали специфику страны, разрушая традиционные для ее политической культуры идентификационные структуры в общественном сознании, в том числе

¹ «Ментальное» аккумулирует в себе аксиологическое (ценностное, эмоционально-психологическое), оценочное (рационально-психологическое), символически-смысловое измерение социума.

их основу – патриотизм, как объективный индикатор развития социума на макроуровне и субъективное переживание этого на индивидуальном микроуровне каждого человека.

«Универсальная» модель модернизации либерально-западного формата в ментальной сфере с целью ее радикальной, тотальной переориентации привела к неоднозначному результату – гетерогенности, полицентричности, симулятивности не только обыденного массового, но и элитарного сознания, определив высокую степень полярности ценностных структур на индивидуальном, групповом и, как результирующей, их содержания на макрополитическом уровне: от идеологического нигилизма до радикального национализма, экстремизма, крайних форм сепаратизма. В этой связи Россия столкнулась с необходимостью противостоять новым угрозам идейно-ценностного характера, на фоне «ослабленного духовного иммунитета» на первый план вышла проблема ментальной безопасности российского социума, которая заключается, в первую очередь, в сохранении аксиологического фундамента российской государственности и является одним из важнейших условий обеспечения государственной безопасности.

Новые российские реалии стимулируют возрождение патриотической идеи как духовной опоры общества, важнейшей составляющей общенациональной стратегии развития, фундаментальной основы обеспечения ментальной безопасности. Сегодня, когда объявлен новый этап в развитии страны, крайне необходимо чет-

ко определить принципы, отвечающие не только объективным закономерностям мировых процессов, но и специфике ментальных структур политической культуры российского социума, учитывая их патриотическую составляющую в качестве необходимого фактора формирования стратегической модели, соответствующей политической макроидентичности² России как государства и цивилизации.

Патриотизм³ представляет собой понятие многогранное, сложносоставное (см. Рис. 1). С одной стороны, это объективный критерий, определяющий сознание на макроуровне, а с другой, – личное переживание, содержащее в себе весь спектр индивидуальных чувств, эмоций⁴: на уровне общественного сознания патриотизм служит фундаментом национального идеала, культуры, идентичности, единства и аутентичности данного народа, аккумулирует в себе весь его исторический опыт; на микроиндивидуальном уровне патриотизм интериоризируется как любовь и преданность Родине, гордость за свою страну, ее прошлое и настоящее, стремление служить ей, готовность защищать.

На всех уровнях ментального пространства патриотизм как чувство, элемент сознания, поведенческий ориентир носит полифункциональный характер: интеграции, мобилизации, ориентации, ценностного целеполагания и мотивации, формируя фундаментальную основу национальной безопасности России, сознательно и добровольно принимаемую позицию граждан, «в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуаль-

² В данном ракурсе понятия политической, национальной, культурной идентичности совпадают по смыслу, поскольку речь идет о макроидентичности государства как политического сообщества и нации как социально-культурной общности.

³ В общественно-политической среде циркулирует множество различных по форме (но взаимодополняющих) дефиниций патриотизма: это чувство любви и гордости за свое Отечество; общественный, нравственный и политический принцип, определяющий отношение человека к Родине; совокупность эмоций, представлений, идей и действий, направленных на прогрессивное развитие своей страны; отношение определенного субъекта к Отечеству; идеология и психология преданности Отечеству; готовность защищать Родину даже ценой собственной жизни; духовная ценность, одна из основных ценностей общегосударственного уровня; критерий и результат политической самоидентификации, морально-нравственные установки, мировоззрение; вектор практического поведения личности и т.д.

⁴ Исследователи выделяют следующие типы патриотизма: государственный, общенародный, национальный, гражданский, локальный, местный или региональный и т.д., которые взаимосвязаны между собой и формируют целостное ментальное пространство, поскольку «государство представляется гарантом безопасности личности, коллектива и общества; общество выступает гарантом державности государства, стабильности коллектива, воспроизводства личности; коллектив выступает гарантом интересов государства, справедливости в общественных отношениях, востребованности личности, личность есть агент синтеза интересов государства, общества, коллектива и собственных» См.: *Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Монография. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. С. 82.

ной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества»⁵.

Патриотизм служит важнейшим структурным элементом общественного сознания, отражающим личное сокровенное отношение к Отечеству, к Родине, к народу, становясь в переходные и трагические моменты развития отчизны мощнейшим стимулом ее защиты, хотя широкий диапазон трактовок позволяет использовать патриотизм в манипулятивных целях, уничтожая, таким образом, его основную сущность, как нравственного принципа, особого, по сути, иррационального чувства (переживания) любви к Родине, ее истории, культуре, обуславливающего идентификационные процессы на всех уровнях ментального пространства социума.

Другими словами, патриотизм должен пониматься, одновременно, как устойчивое духовное явление и способ психологического существования человека (психологический феномен), философский, нравственный и политический принцип, социальное чувство, социологическая характеристика, важнейший элемент политической культуры и идентичности народа, который базируется на следующих группах принципов⁶:

- идейно-ценностных (приоритетной ценности и особой социально-культурной значимости патриотизма в общественном сознании (на макроуровне), в чувствах, действиях и поведении индивида (на микроуровне); аутентичности (уникальности) российского патриотизма; державности, принципах единства и неделимости России; преданности и служения Отечеству; исторической преемственности, гордости за историю Отечества; принадлежности к России, ее культуре и истории);

- общественно-государственных (единства личных, групповых, общественных и государ-

ственных интересов; политической, социальной, культурной идентичности и самодостаточности; сохранения и воспроизводства отечественных традиций; гражданского и патриотического долга человека; деятельности каждого во благо Отечества);

- социально-педагогических (повышения социально-культурного статуса патриотизма; единства патриотического контекста; смысловорчества и эффективности патриотического воспитания; сакральности в развитии духовного (ментального) мира).

В теоретизированной форме специфика аксиологических структур, образующих ментальное пространство социума, может быть выражена в следующей триединой системе: 1) воображаемое коллективное «мы», наши принципы, нормы, ценности; 2) «мы» и другие нации, государства; 3) наше прошлое⁷.

Последний элемент – коллективная память – аккумулирует в себе наиболее устойчивые ментальные образования в сознании и выступает в качестве сильнейшего фактора политической идентификации и формирования национального идеала, выполняет важнейшую интегрирующую функцию при условии патриотической интерпретации фактов общей истории: это особенно актуально сегодня, поскольку до сих пор повод для гордости россияне склонны искать скорее в прошлом, чем в настоящем: российской историей гордится подавляющее большинство – 80%⁸.

Весь исторический опыт страны наглядно демонстрирует тот факт, что патриотизм можно считать ядром политической культуры, определявшим специфику ментального пространства России на всех этапах эволюции и развития государственности, начиная с самых истоков, которые многими историками (Н.М. Карамзиным, С.М. Со-

⁵ Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации // http://rosvoencentr-rf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=481:2012-11-25-16-27-44&catid=50:2008-12-22-12-36-36&Itemid=72

⁶ Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Монография. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. С. 50 – 51.

⁷ Комаровский В.С. Политическая идентификация России: состояние, проблемы, перспективы: Материалы методологического семинара. Москва. 10 ноября 2009 года. М.: РАГС, 2010. С. 5 – 12.

⁸ В октябре 2012 г. Аналитический Центр Ю. Левады (Левада-Центр) провел опрос по репрезентативной выборке среди 1516 россиян. Согласно полученным результатам 76% населения гордятся российским гражданством; каждому второму за страну стыдно // <http://www.levada.ru/21-11-2012/76-naseleniya-gordyatsya-rossiiskim-grazhdanstvom-kazhdomu-vtoromu-za-stranu-stydno>

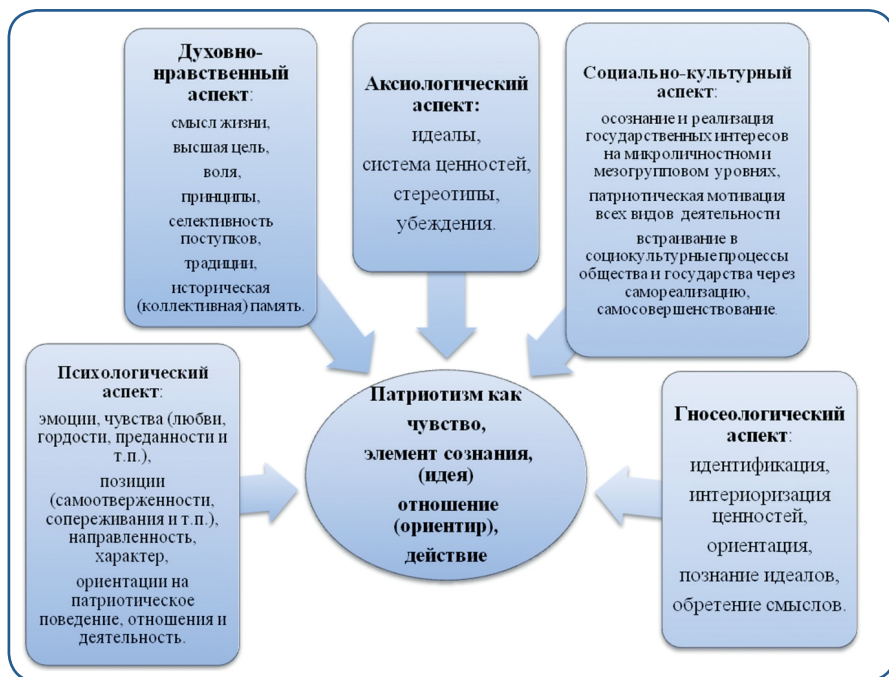

Рис. 1. Структурные аспекты патриотизма.

ловьевым, В.О. Ключевским и рядом других) соотносятся с VI – VII столетиями, когда начинается формирование качеств, нравственных принципов и аксиологических ориентиров народа.

По мнению М.В. Ильина, уже на своем начальном этапе становление российской государственности базировалось на пяти «духовных комплексах» (идентификационных структурах) глубоко патриотического содержания, а именно: на идее эпохального выбора своей доли, судьбы; идее принятия порядка; идее ускоренного развития «молодой» Руси, а затем России; идее самоотречения, служения Руси человечеству; идее сосредоточения на Руси, а затем в России чистых (идеальных) форм жизнедеятельности⁹. Согласно подходу еще одного исследователя, В.Н. Топорова, на ранних стадиях (с 40-х гг. XI в. – до нач. XII в.) формирования основ политической культуры Руси произошло становление трех взаимосвязанных идей-концепций, ставших своего рода

патриотическим фундаментом для дальнейшего развития ментального пространства: 1) единство в пространстве и в сфере власти («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» как наиболее представительные выразители этой идеи); 2) единство во времени и в духе, т.е. идея духовного преемства («Слово о законе и благодати»); 3) святость как высший нравственный идеал поведения, жизненной позиции (тексты борисоглебского цикла)¹⁰.

Идеи служения Отечеству, гордости и преданности Родине, сохранения целостности и единства, укрепления государственности стали ключевыми структурными составляющими официальных аксиологических формул, определявших характер и содержание ментального пространства России (Руси) на протяжении столетий: «Москва – Третий Рим» – учение Филофея¹¹, утвердившее православный мессианизм христианской цивилизации с духовным выражением сосредоточения Московии; триада «Православие. Самодержавие. Народность»¹², где «народность» – основа развития русского национального самосознания, осуществления им своей государствообразующей роли в России. В обеих идейно-аксиологических моделях можно усмотреть три незыблемых и первоначально актуальных политических принципа: принцип национальности, принцип суверенитета, принцип традиции, по сути, лимитирующие границы ментального пространства русской цивилизации.

Продолжение статьи читайте в следующем номере журнала...

⁹ Ильин М.В. Призвание России // Национальная идея. Страны, народы, социумы. М.: Наука, 2007. С. 360 – 370.

¹⁰ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. М.: Гнозис, 1995. С. 265.

¹¹ Суть принадлежащей Филофею идеи «Москва – Третий Рим» формулируется следующим образом: «Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984. С. 453.

¹² Формула «самодержавие, православие, отечество», предложенная Н.М. Карамзиным, превратилась в подновленную С.С. Уваровым триаду «православие, самодержавие, народность», ставшую фундаментом теории «официальной народности». См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.

К. Коломин / K. Kolomin

аспирант кафедры политических наук
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов

Арктический вектор безопасности

Arctic vector of security

В статье анализируются состояние и перспективы развития современной пограничной политики России – разновидности «мягкой силы» – в сфере защиты национальных интересов. Автор рассматривает эту специфическую деятельность государства как селективную часть внешней и внутренней политики. Он исследует содержание понятия «безопасность» в контексте защиты территориальной целостности страны, включая политические риски, связанные с освоением полезных ископаемых на арктических шельфах и возобновления эксплуатации Северного морского пути.

Ключевые слова: национальные интересы, пограничная безопасность России, Северный морской путь, арктические ресурсы, политические риски, экология.

The article analyses the condition and prospects of development of modern border policy of Russia as a form of «soft power» in the field of protection of national interests. The author considers the specific activities of the state as the selective part of the external and internal policy. He explores the content of the concept «security» in the context of the protection of the territorial integrity of the country including political risks associated with the development of mineral resources in the Arctic shelves and resumption of operation of the Northern sea route.

Keywords: national interests, border security of Russia, the Northern sea route, Arctic resources, political risks, ecology.

Исследуя проблемные точки современной геополитики, Збигнев Бжезинский в новой монографии отмечает, что глобальная стабильность существует исключительно благодаря внешнеполитической активности США. По его мнению, с ослаблением лидерских позиций Вашингтона могут возникнуть международные конфликты в борьбе за убывающие мировые ресурсы. Одним из потенциальных театров военных действий, по мнению политолога, может стать Арктика. «Ослабление Америки, – пишет автор, – может побудить Россию с возросшим напором добиваться контроля над Арктикой»¹.

Действительно, в последние несколько лет Российская Федерация заметно активизирова-

лась в приполярных областях. Но ее разносторонняя деятельность не выходит за пределы национальных территорий и «полярных секторов». Вопреки опасениям ветерана «холодной войны», российская власть не только теоретически прорабатывает проблемы сохранения своих обширных территорий и недр, но и практически реализует довольно последовательную пограничную политику в высоких широтах. Которая, по нашему мнению, представляет собой производную от внутренней и внешней политики государства, своего рода «отраслевую» форму управления периферийными территориями. Политику, направленную, в первую очередь, на сферу безопасности «оболочки», объемлющей страну (по Ж. Анселю),

¹ Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. С. 179.

от прочности которой зависит «самочувствие» общества в целом.

Причем в двуединой функции границы (барьерной и контактной) предпочтение отдается контактной. Еще в мае 1994 г. первый директор Федеральной пограничной службы Российской Федерации генерал армии А.И. Николаев сказал, что «охрана госграницы – это, прежде всего, политика». И далее добавил: «Мы ставим задачей сотрудничество с сопредельными государствами – в целях борьбы с преступными группировками, предотвращения контрабанды, незаконной миграции. Граница – это и санитарный надзор, и рубеж, на котором обеспечивается противодействие силам, занятым разведдеятельностью. В то же время она не должна быть закрытой, ни в коем случае не служить препятствием для товаров, не говоря уже о людях»².

Поэтому, чтобы избежать угроз, артикулируемых З. Бжезинским, необходимо выделить главное звено в цепи арктических проблем. Этим звеном, на наш взгляд, является транспортная инфраструктура. В первую очередь речь идет о Северном морском пути (далее – СМП) и прибрежных коммуникациях. Следует напомнить, что СМП имеет ряд преимуществ перед южным вариантом судоходства (через Атлантический и Индийский океаны). Северный путь из Гамбурга в Шанхай на 4 тыс. морских миль короче, экономит семь суток и в среднем 650 тыс. долл. США расходов на топливо для каждого судна. Кроме того, СМП избавлен от рисков пиратских нападений³.

Таким образом, необходимо совершенствовать не только инфраструктуру побережья, от дееспособности которой зависит функциональность СМП, но и увязывать ее ресурсный потенциал с транспортной сетью страны. Имеется в виду реализация императива балансировки меридиональных и широтных коммуникаций, гармонизация нагрузки южной магистрали (Транссиба), БАМа и Северного морского пути при помощи сети сибирских рек, впадающих в Северный Ледовитый океан.

Перспективная модель региональных транспортных коридоров обосновывается не только логистикой, поскольку экономический эффект не вызывает сомнений, но и геополитическими интересами России, заботой о национальной безопасности. Ведь транспортная сеть, соединяющая старые и новые энергетические источники, промышленные кластеры развития и коммуникационные векторы глобальных обменов, сопрягает единое экономическое пространство. Более того, указанная сеть укрепляет безусловную целостность страны и стратегическое положение западной и восточной частей государства.

Органичной составляющей бесперебойной деятельности СМП является своевременное пополнение корабельного и ледокольного флота. В ближайшие годы, как сообщает российская пресса, планируется поставка трех атомных и трех дизельных ледоколов. В бюджете заложены средства на проектирование атомного судна новой серии. Намечается восстановление и реконструкция морских портов по всей трассе СМП. Весь Крайний Север и Арктика будут охвачены современной системой спутниковой навигации. Уже сейчас судоходство по трассе СМП можно осуществлять круглый год. Над Тикси, например, пролегает воздушный коридор, по которому проходят ежедневно полтора десятка рейсов, соединяющих Европу и Азию, поэтому точные метеосводки покупают все крупные авиаперевозчики. При должной организации дела и, главное, при большом и стабильном грузопотоке эта оснащенная по последнему слову науки и техники магистраль может приносить значительную экономию средств.

Уплотнение сети транспортных коридоров и наращивание производственно-добывающих кластеров северных широт влечет за собой не только видоизменение производственного ландшафта, но и создание новых рабочих мест. Тем самым большая политика вводит в оборот целый спектр властных отношений на региональном и местном уровнях. Активизируется социально-политическая деятельность местных и муниципаль-

² Николаев А.И. Рубежи России. Раздумья о важном. М.: Граница, 1998. С. 158 – 159.

³ Макаров А. Лед тронулся // Коммерсантъ Власть. 2013. 11 марта. № 9 (1014) // <http://www.kommersant.ru/doc/2139927>

ных образований, создаются новые управленческие структуры, несущие ответственность за весь спектр задач по обеспечению жизнедеятельности в экстремальных условиях Севера.

Арктические проблемы по формальным признакам подпадают под категорию периферийных, и многими своими чертами напоминают одно из направлений региональной политики, но стратегическое управление развитием побережья и акватории Северного Ледовитого океана по своим масштабам и значению для развития страны является задачей общенациональной. Об этом, собственно, говорится и в «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». В ряду ключевых проблем развития приполярного региона в этом документе долговременного действия названы:

- совершенствование государственного управления;
- улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности в Арктике;
- развитие ресурсной базы при использовании новых технологий, развитой инфраструктуры транспортной системы, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и рыбохозяйственного комплекса⁴.

Все это может быть достигнуто благодаря государственной поддержке и стимулированию компаний, занимающихся добычей углеводородов, других полезных ископаемых, биоресурсов, а также благодаря использованию возобновляемых и альтернативных источников энергии, развитию арктического туризма. Более того, предусматривается модернизация объектов социальной инфраструктуры: жилых домов, школ, детских садов, больниц.

В целях дальнейшего эффективного использования ресурсной базы Арктики предлагается провести комплексное изучение континентального шельфа и прибрежных территорий и сформировать резервный фонд месторождений

углеводородов, цветных, благородных и драгоценных металлов, хрома, марганца, олова, урана, титана, цинка, а также модернизировать и развивать инфраструктуру Северного морского пути, обеспечив его круглогодичную работу, расширять сеть железнодорожных, автомобильных и авиационных сообщений.

Национальные интересы России в Арктике требуют формирования принципиально новой модели экономического освоения этого пространства. На некоторые недостатки в управлении маршрутом указал и секретарь Совета безопасности России Н.П. Патрушев: «Транспортные потоки Севморпути ориентированы на запад, и вся логистика выстроена ради обеспечения перевозок в направлении Красноярск – Дудинка – Мурманск. А восточный участок СМП менее оснащен и загружен. Эту диспропорцию следует устранить в ближайшее время, поскольку ресурсный потенциал северных районов Урала, Сибири и Дальнего Востока востребован в Азиатско-тихоокеанском сегменте мировой экономики»⁵.

Соблюдение баланса грузопотоков в транспортном коридоре продиктовано не только соображениями логистики, но и учётом интересов промышленно развитых территорий страны и транзитных транспортных артерий континентальных субъектов Федерации.

Восточный вектор СМП мотивируют и новые объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и транспортного хозяйства периферии. Например, прорабатывается схема морского экспорта якутского угля в Китай, что также может способствовать оживлению судоходства во всем Восточном секторе Арктики. В 2011 г. было начато строительство железной дороги Кызыл-Курагино, которая соединит Красноярский край с Кызылом и Элегестским месторождением с разведанными запасами 3,9 млрд т коксующегося угля⁶. Кроме того, осуществляется модернизация аэродрома Амдерма.

На побережье Северного Ледовитого океана приступили к возведению универсального

⁴ См.: <http://government.ru/docs22846>

⁵ См.: <http://news2world.net/oborona-i-bezopasnost/gosudarstvo-nedostatochno-kontroliruet-infrastrukturu-smp-patrushev.html>

⁶ См.: <http://vnedra.ru>

порта Сабетта, который станет ключевым элементом транспортной инфраструктуры проекта Ямал-СПГ, на ресурсной базе Южно-Тамбейского месторождения НОВАТЭКа. Комплексный план по развитию производства сжиженного природного газа (СПГ) на полуострове Ямал находится под контролем Минэнерго России. НОВАТЭК получил право распоряжаться и 100-процентной долей Международного аэропорта Сабетта⁷.

30 июля 2012 г. вступил в действие Федеральный закон «О создании федерального казенного учреждения “Администрация Северного морского пути”». Это значит, что у Севморпути появился «хозяин», который может принимать заявления на право судоходства в его акватории, взимать плату за ледокольную проводку судна по СМП. Плата будет взиматься в соответствии с законодательством о естественных монополиях, исходя из объема фактически оказанных услуг, включая обязательное страхование гражданской ответственности владельцев судов за ущерб от загрязнения, либо другой причиненный судном ущерб или обязательное наличие у них иного финансового обеспечения этой ответственности. При отсутствии такого страхования или финансового обеспечения суда не смогут зайти в порт на трассе Севморпути или выйти из него, прибыть к прибрежному сооружению в территориальном море России или отойти от него, а также получить разрешение на плавание в акватории СМП⁸. Отсюда, что коммерческая составляющая сопряжена с заботой о защите природных ресурсов региона.

Нормотворческая деятельность Российской Федерации и практика эксплуатации самых высокоширотных коммуникаций учитывают в равной мере технологические и политические риски. Так, благодаря искусству российских полярных навигаторов танкер класса Суэцмакс «Vladimir Tikhonov» Совкомфлота (дедвейт – 160 тыс. т) в 2011 г. стал крупнейшим судном в истории мирового судоходства, осуществившим транзитный переход из Атлантического в Тихий океан по

трассам СМП с полным грузом газового конденсата. А 19 ноября 2012 г. танкеры-газовозы освоили, совместно с ледоколами Атомфлота, новый маршрут Севморпути – севернее Новосибирских островов до «чистой» воды Берингова пролива⁹.

Постоянное присутствие в прибрежных водах иностранных судов ставит на повестку дня вопросы об обновлении текущего российского пограничного законодательства, совершенствовании технологий контроля доступа в территориальные воды субъектов международного права. Напомним, что, согласно нормам международного морского права, иностранные суда являются частью территории страны, под флагом которой они плавают.

В мировой практике, как правило, действуют единые правовые основы государственного регулирования регионального развития в Арктике и единая государственная арктическая политика, неотъемлемой частью которой является и специфическая пограничная политика. Не случайно Президент России В.В. Путин заявил, что взаимное доверие станет ключом к освоению колоссальных богатств Арктики и защите ее хрупких экосистем, – цитирует российского лидера на сайте The New York Times журналистка Лорен Морелло.

Следует заметить, что арктическая политика может реализовываться лишь при широком участии государства, регионов и национально ориентированного бизнеса, не исключая при этом и международного делового сотрудничества.

Также необходимо учитывать военную составляющую межгосударственного взаимодействия в Арктическом регионе. Российский Северный флот – сильнейшая стратегическая группировка подводных и надводных кораблей с соответствующей инфраструктурой обеспечения. Однако по своему предназначению он в первую очередь призван оперировать в районах западного сектора Арктики и в северной Атлантике. Кроме того, согласно недавним решениям руководства страны, две трети его состава будет

⁷ См.: <http://neftegaz.ru/news/view/108023>

⁸ См.: <http://vz.ru/news/2012/7/30/590847.html>

⁹ См.: <http://www.rosatomflot.ru/index.php?menuid=23&date=2012-11-0&newsid=489>

постоянно нести боевую вахту в Средиземном море¹⁰.

Поэтому арктический фасад европейской и азиатской части России нуждается в более плотном прикрытии корабельной составляющей, ПВО и ПРО. С той степенью защиты, как это выполнено, например, на океанском направлении Китая, который исключил, по словам американских специалистов, любой флот вероятных противников благодаря тому, что на восточном побережье КНР создана комплексная система ограничения доступа неприятельских сил и средств¹¹.

Спецпредставитель президента России по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике, член Совета Федерации, Герой Советского Союза и Герой России А.Н. Чилингаров отметил: «Я уверен в том, что нам надо более жестко и последовательно отстаивать свои интересы в Арктике. Как это делают, например, США. Американцы, кстати, до сих пор не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, потому, что Конгресс считает, что она не учитывает в должной мере их интересы. А России, которая ратифицировала эту конвенцию пятнадцать лет назад и строго ее соблюдает, приписывают стремление «монополизировать» Ледовитый океан.

Хотя, на самом деле, мы выступаем за активное и широкое взаимодействие в регионе со всеми другими странами»¹².

Целенаправленное восстановление государственного присутствия России в этом важнейшем регионе воспринято в сопредельных странах неоднозначно. Например, НАТО, оперативно отреагировав на ослабление внешнеполитических позиций и военного потенциала России в 90-е гг. XX века, решила данным обстоятельством воспользоваться. Так, норвежское военное ведомство перенесло штаб своего оперативного командования в Заполярье. В 2011 г. США и Дания впервые приняли участие в ежегодных канадских арктических маневрах «Операция Нанук». Несколько западных государств создали совместную Северную боевую группу со штабом в нейтральной Швеции. Американцы и британцы дважды за последние годы проводили совместные учения своих подводных лодок в Северном Ледовитом океане.

«Я очень надеюсь на то, что Арктика не станет ареной сражений, – уточнил А.Н.Чилингаров, – но порох надо держать сухим. Поэтому наше руководство в последнее время предприняло целый ряд ответных мер, призванных обезопасить северные рубежи»¹³.

¹⁰ См.: <http://www.newstube.ru/media/rossijskij-flot-vozvrahsya-v-sredizemnomor-e>

¹¹ Макаров А. Страсти по Тихому // Коммерсант Власть. 2013. № 7 (1012). 25 февраля // <http://www.kommersant.ru/doc/2130391>

¹² См.: <http://www.rg.ru/2012/01/27/arktika.html>

¹³ Там же.

ПРЕСС-РЕЛИЗ

**Всероссийская научно-практическая конференция
по вопросам совершенствования мер, направленных
на сокращение спроса на наркотики
в молодежной (студенческой) среде**

В контексте реализации положений «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» 2 апреля 2013 г. Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации на базе одного из известнейших и крупнейших столичных вузов – Российского университета дружбы народов – была проведена Всероссийская научно-практическая конференция по вопросам совершенствования системы мер, направленных на сокращение спроса на наркотики в молодежной (студенческой) среде.

В работе Конференции приняли участие председатель Государственного антинаркотического комитета, директор ФСКН России Виктор Иванов, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, представители заинтересованных федеральных ведомств – Минобрнауки, Минздрава, МВД России, а также руководители ведущих высших учебных заведений и молодежных общественных организаций Центрального федерального округа, представители духовенства традиционных религиозных конфессий России, специалисты в области профилактики и реабилитации наркозависимых лиц, руководители частных охранных предпри-

ятий, осуществляющих охрану вузов, а также студенты и преподаватели РУДН.

С приветственным словом к участникам Конференции обратился ректор РУДН, академик РАО Владимир Филиппов. С ключевым докладом на пленарном заседании выступил директор ФСКН России Виктор Иванов. Прозвучали также выступления заместителя Председателя Государственной Думы Сергея Железняк, председателя Комитета по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы Ирины Яровой, заместителя министра образования и науки Игоря Реморенко, заместителя министра внутренних дел Михаила Ваничкина, заместителя министра здравоохранения Татьяны Яковлевой, вице-президента Российского союза ректоров, председателя Совета ректоров вузов ЦФО академика РАН Игоря Федорова, руководителя проекта «Модно быть здоровым. Останови наркотики» Ольги Гострой, председателя республиканской общественной организации «Союз студентов Мордовии» Анастасии Гришневой, руководителя Молодежного правительства Калужской области Анны Алиферовой.

Средства массовой информации, освещавшие конференцию, были представлены информационными агентствами «Интерфакс», ИТАР-ТАСС, «РИА Новости» и РБК, газетами «Вечерняя Москва» и «Парламентская газета», телекомпаниями ВГТРК «Россия», «Мир», «Звезда», ТВЦ, ДТВ, а также радиостанцией «Голос России».

В ходе работы Конференции были рассмотрены теоретические и практические аспекты организации системы мер по предупреждению распространения наркомании в учебных заведениях, обсуждены перспективы участия молодежных общественных движений в профилактике наркотической зависимости, а также создания системы комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотических средств и психотропных веществ.

Работа конференции была построена по принципу одновременного проведения различных мероприятий по двум направлениям: теоретическому и практическому. В рамках последнего в формате фокус-групп и презентаций антинаркотических площадок вузов был изучен опыт

*Выступление В.П. Иванова.
(Фото М. Гальцовой)*

внедрения современных подходов к профилактике наркомании в молодежной среде с участием представителей негосударственных организаций, студентов, волонтеров. В ходе состоявшегося обмена мнениями была отмечена необходимость организации тестирования на предмет употребления наркотических веществ не только студентов вузов, но и учащихся старших классов школ, а также более активного привлечения к работе по предотвращению наркомании в молодежной среде представителей волонтерского движения.

По мнению организаторов и участников Конференции, реализация принятых в ходе столь важного форума решений будет способствовать дальнейшему совершенствованию системы мер по предотвращению распространения наркомании в молодежной среде.

Заместитель главного редактора журнала «Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter Terrorism», кандидат исторических наук

Дмитрий Юрков

*Редакция благодарит проректоров
Российского университета дружбы народов
С.В. Андрианова и А.Д. Гладуша, пресс-секретаря
РУДН В.В. Антонову, а также пресс-службу ФСКН
России за помощь в подготовке материала.*

РЕЗОЛЮЦИЯ

*участников Всероссийской научно-практической конференции
по вопросам совершенствования системы мер,
направленных на сокращение спроса на наркотики
в молодежной (студенческой) среде*

г. Москва, РУДН

2 апреля 2013 г.

Участники Конференции, обсудив в рамках своей компетенции круг проблемных вопросов, касающихся совершенствования системы мер, направленных на сокращение спроса на наркотики в молодежной (студенческой) среде, отмечают следующее.

Проблема наркомании среди подростков и молодежи очень актуальна в наши дни. Сейчас потребление наркотиков в мире характеризуется огромными цифрами. Во всем мире отмечается рост употребления наркотической продукции подростками, часто наркотики доступны подросткам на улице, в обществе сверстников, подобные прецеденты встречаются даже в школах. В связи с этим в России, как и во многих странах мира, все большее внимание уделяется проблеме наркомании среди молодежи.

В Российской Федерации опыт употребления наркотиков имеют порядка 18 млн граждан, а эпизодически и регулярно потребляют наркотики около 8,5 млн чел. Средний возраст умирающего наркомана – 32 года. Уровень информированности о наркотиках среди молодежи в среднем превышает 80%, достигая среди студентов вузов 92,6%. Средний возраст начала употребления наркотиков составляет 15-16 лет, а за последние 5 лет число впервые выявленных больных наркоманией юношей в возрасте 15-17 лет увеличилось на 22 %.

Распространенность наркомании среди молодежи ухудшает демографические показатели и криминализирует общество, что создает угрозу национальной безопасности и социально-экономическому развитию страны.

Таким образом, наибольшую актуальность в вопросах реализации государственной антинаркотической политики приобретает формирование системы профилактики наркомании в первую очередь в молодежной среде.

В интересах будущего страны необходима консолидация усилий органов власти и общественности в рамках общей молодежной идеологии.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным отмечено, что необходимо внедрять новые подходы к профилактике наркозависимости и реабилитации граждан, оказывать реальную адресную поддержку людям, чьи близкие оказались заложниками наркотиков. Активнее вести просветительскую работу по продвижению ценностей здорового образа жизни, особенно в молодежной среде, привлекать к этой социально-значимой проблеме – СМИ, Интернет-ресурсы, общественность и волонтерские организации.

В целях эффективного решения вопросов совершенствования системы мер, направленных на сокращение спроса на наркотики в молодежной (студенческой) среде участники Всероссийской научно-практической конференции, рекомендуют:

Государственному антинаркотическому комитету:

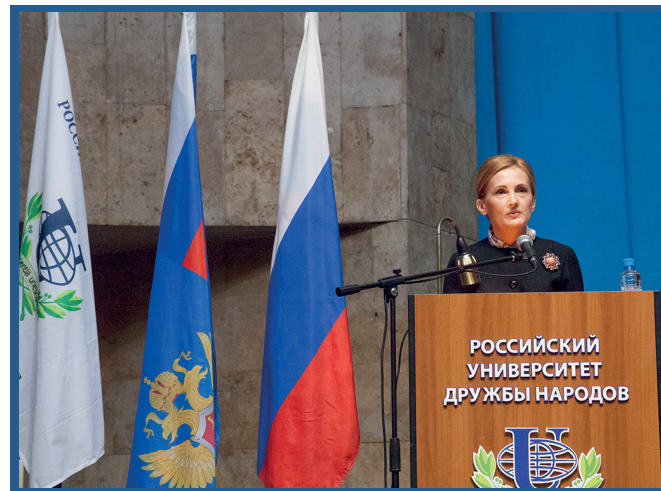
1. Рассмотреть возможность создания при антинаркотических комиссиях в субъектах Российской Федерации координационных центров молодежных добровольческих структур и родительских добровольческих структур с целью повышения эффективности работы в сфере снижения спроса на наркотики, в том числе реабилитации и ресоциализации лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами и психотропными веществами.

2. Инициировать перед заинтересованными ведомствами (ФСКН России, Минобрнауки России, Минздрав России) внесение в действующее законодательство Российской Федерации предложения об установлении ответственности родителей (или иных законных представителей) несовершеннолетних в возрасте до 18 лет за неприятия мер по освобождению от наркотической зависимости.

3. Организовать разработку системы молодежной медиаполитики (социальная реклама, Интернет-ресурсы, СМИ), направленной на создание в обществе отношения нетерпимости к потреблению наркотиков.

4. Разработать единый межведомственный порядок (ФСКН России, МВД России, Минздрав России, ФСИН России) постановки на профилактическое наблюдение или диспансерный учет для прохождения всего комплекса медико-профилактических или лечебно-реабилитационных мероприятий лиц, привлеченных к административной ответственности за немедицинское потребление наркотиков.

5. Обеспечить сопровождение рассмотрения в Правительстве Российской Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» о совершенствовании правового механизма побуждения лиц, страдающих наркотической зависимостью к лечению от наркомании, а также комплексной реабилитации и ресоциализации.

Выступление И.А. Яровой.

(Фото М. Гальцовой)

6. Инициировать участие представителей заинтересованных министерств и ведомств в восхождении на гору Эльбрус с целью закладки на ее вершине капсулы с посланием (письмом-предостережением) к бывшим наркозависимым, родственникам и друзьям умерших от наркомании.

МВД России:

1. Инициировать рассмотрение на заседаниях межведомственных комиссий по профилактике правонарушений субъектов Российской Федерации проблемных вопросов межведомственного взаимодействия, возникающих в случае выявления фактов совершения правонарушений и преступлений на территории средних и высших образовательных учреждений Российской Федерации с предложениями по их решению.

Минспорту России:

1. Расширить сеть бесплатных молодежных клубов, спортивных секций, обеспечивающих организацию доступного содержательного развивающего досуга для молодежи.

Минобрнауки России:

1. Организовать проведение круглых столов в федеральных округах и субъектах Россий-

ской Федерации под руководством полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах и руководителей регионов по обсуждению вопросов совершенствования системы мер, направленных на сокращение спроса на наркотики в молодежной (студенческой) среде.

2. Рассмотреть возможность создания в структуре вузов Российской Федерации специализированных центров (антинаркотических площадок), спектр деятельности которых направлен на оказание консультативной, психологической и правовой помощи студентам, а также разработать методическое обеспечение деятельности указанных центров. Ежегодно проводить конкурс на лучшую антинаркотическую площадку.

3. Проработать вопрос об обязательной подготовке в области предупреждения распространения наркотиков лиц, обеспечивающих безопасность, пропускной и внутриобъектовый режимы в учебных заведениях.

4. Ввести в качестве оценочного критерия при проведении конкурсов на охрану школ – наличие у частных охранных структур (участвующих в конкурсах) соответствующего соглашения с территориальными органами наркоконтроля. Наличие такого соглашения может добавлять определенное количество баллов участникам конкурса при рассмотрении их заявок конкурсной комиссией.

5. Совместно с руководителями негосударственных структур безопасности и начальниками территориальных органов ФСКН России проработать вопрос о возможности стимулирования работников частных охранных организаций за конкретные результаты их антинаркотической деятельности.

ФСКН России:

1. Совместно с ФСИН России и Минздравом России выработать предложения по совершенствованию законодательства с целью дальнейшего развития системы комплексной реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц, как находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, так и условно осужденных, и

осужденных с отсрочкой отбывания наказания, изъявивших перед судом желание добровольно пройти курс лечения от наркомании и медико-социальную реабилитацию, а также освободившихся из мест лишения свободы.

2. Совместно с Минздравом России проработать вопрос по созданию Центра подготовки специалистов в сфере реабилитации и ресоциализации наркозависимых, работы с созависимыми, а также активного привлечения лиц, успешно прошедших реабилитацию в качестве волонтеров.

Антинаркотическим комиссиям субъектов Российской Федерации:

1. Рассмотреть на заседаниях экспертных советов следующие вопросы:

- об эффективности деятельности волонтерских антинаркотических организаций;
- об участии в разработке и реализации государственной межведомственной программы «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ» органов здравоохранения, труда и социальной защиты, образования, молодежной политики, культуры, правоохранительных органов, а также негосударственных организаций субъектов Российской Федерации;
- о создании и организации функционирования «пилотных» региональных сегментов (площадок) Национальной системы комплексной реабилитации и ресоциализации и их поддержки со стороны законодательных органов власти регионов Российской Федерации (особенно при принятии региональных бюджетов).

2. Принять нормативные правовые акты, направленные на поддержку организаций, участвующих в молодежном добровольческом антинаркотическом движении в Российской Федерации.

3. Предусмотреть во вновь разрабатываемых региональных антинаркотических программах финансирование мероприятий по развитию антинаркотической добровольческой деятельности по профилактике наркомании.

ОБРАЩЕНИЕ

к делегатам Второго съезда Всероссийского волонтерского антинаркотического движения*В.П. Иванов и В.М. Филиппов*

От имени участников Всероссийской научно-практической конференции по вопросам совершенствования системы мер, направленных на сокращение спроса на наркотики в молодежной (студенческой) среде, приветствуем делегатов и гостей Второго съезда Всероссийского волонтерского антинаркотического движения!

Проведение такого широкомасштабного мероприятия призвано помочь скоординировать молодежные движения Российской Федерации в противостоянии такому страшному недугу как наркомания.

В настоящее время содействие развитию и становлению волонтерского антинаркотического движения стало одним из приоритетных направлений органов государственной власти Российской Федерации.

Именно волонтерское антинаркотическое движение, имеющее своей целью вовлечение подрастающего поколения в организованные формы досуга, несовместимые с употреблением наркотиков, а также оказание помощи в форми-

ровании активной жизненной позиции по ведению здорового образа жизни по принципу «Равный – равному», является одной из эффективных форм снижения спроса на наркотики.

Волонтеры способны быстрее и эффективнее установить контакт со своими сверстниками, оказавшимися в трудной ситуации. Активность и эрудированность волонтера, а также его умение вызвать доверие, уважение и интерес подростков способствует повышению эффективности антинаркотической работы.

Уверены, что проведение Съезда будет способствовать консолидации усилий молодежи нашей страны в борьбе с наркоманией, созданию эффективной системы сокращения спроса на наркотики.

Искренне желаем делегатам Съезда плодотворной работы и конструктивного диалога!

Выражаем благодарность всем участникам Съезда за неравнодушное отношение к настоящему и будущему нашей молодежи!

Участники Конференции

Екатерина Добряковастудентка 1-го курса филологического факультета
Российского университета дружбы народов¹

Третий понедельник апреля 2013

Словосочетание «бостонский марафон» в связи с последними событиями, наверняка, станет именем нарицательным. 15 апреля 2013 года – был бы совершенно обычным днем, примечательным лишь тем, что именно он является третьим понедельником апреля, в который традиционно вот уже более ста лет проводится «Бостонский марафон» – престижнейший марафон во всем мире. Ранним утром в одном из самых старейших районов Бостона – Бэк Бей, где всегда гуляет бесконечное количество туристов и молодежи, где везде и всюду царит атмосфера веселья и радости, счастливые семьи марафонцев уже встречали их на финишной прямой, и уже были готовы пустить первую волну аплодисментов, как вдруг... вся жизнь пробежала у них перед глазами эдакой колкой стрелой, поразившей сначала в сердце, потом в мозг. С интервалом в 12 секунд произошло два взрыва, в результате которых погибли три человека и пострадали более 180 чел.

Взрыв в Бостоне стал первым терактом в США с 11 сентября 2001 г., когда были совершены террористические атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Тогда погибли почти три тысячи человек. Как та трагедия, так и эта, она моментально громким

эхом отозвалась не только по Соединенным Штатам, но и по всему миру. Уже вечером этого же дня, в 6 часов 10 минут Барак Обама со срочным сообщением из Белого дома обратился к жителям США и сказал: «Мы все еще не знаем, кто это сделал и почему... Но знайте, мы доберемся до сути этого... И ответственные за это группы почувствуют на себе всю тяжесть справедливого возмездия».

Но, согласитесь, прежде чем дать ответы на вопросы, которые сейчас стоят перед правительством США и агентами ФБР: «Кто может быть организатором теракта? Почему террористический акт был совершен именно во время проведения Бостонского марафона, а не какого-либо другого, ведь существует еще несколько подобных мероприятий (это и Лондонский марафон, и Берлинский, и Чикагский и Нью-Йоркский)?», нам необходимо подробнейшим образом ознакомиться и с историей Бостонского марафона, и с историей Лондонского. Следующий марафон 2013 г. проходит именно там, и с самыми последними версиями ФБР о том, кто мог осквернить традиционное и исключительно спортивное мероприятие, по идее, не имеющее никакой политической подоплеки.

¹ Публикуемый материал – одна из первых проб пера будущей журналистки, Екатерины Добряковой, 17-летней студентки первокурсницы филфака РУДН, которая прислала письмо в Редакцию нашего журнала с просьбой опубликовать ее небольшую статью (с элементами эссе) о трагедии, разыгравшейся 15 апреля с.г. на финише Бостонского марафона. Письмо с публикуемым материалом поступило в Редакцию журнала 19 апреля 2012 г.

История Бостонского марафона

Прежде чем начать рассказывать непосредственно об истории Бостонского марафона, необходимо сказать, что он является и членом AIMS и членом лиги World Marathon Majors. Ассоциация международных марафонов и пробегов (сокращенно AIMS) – это международная спортивная некоммерческая организация, объединяющая более 300 марафонов и пробегов из 95 стран. Она была создана в мае в 1982 г. на очередном конгрессе в Лондоне, объединив 28 крупнейших в то время марафонов. AIMS устанавливает стандарты организации и проведения соревнований по бегу по шоссе. Президентом AIMS является Пако Борао. Тем временем не будем забывать, что Бостонский марафон также является членом лиги World Marathon Majors. Данная лига под собой подразумевает серию ежегодных соревнований среди марафонцев, которая проводится с 2006 г. За участие в марафоне спортсмену начисляются баллы. В зачет входит попадание в первую пятерку на следующих марафонах: Бостонский, Лондонский, Берлинский, Чикагский и Нью-Йоркский, и Токийский марафон. Победитель серии награждается денежным призом в размере 500 тыс. долларов США.

Из чего мы делаем вывод, что Бостонский марафон считается одним из самых престижных в мире. Впервые он был проведен в городе Бостон в далеком 1897 г., в День Патриотов и с тех пор в каждый третий понедельник апре-

ля проводятся забеги на 42 км 195 м. С каждым новым проведением соревнований Бостонский марафон становился все более и более популярным как среди самих американцев, так и среди туристов.

Уже в 1996 г. в марафоне участвовали 38 тыс. участников, а количество зрителей превышало 500 тыс. чел. Поэтому масштабность Бостонского марафона несоизмерима со всеми остальными марафонами.

Президент AIMS Пако Борао заявляет, что целью террористов, вряд ли, были именно спортсмены и если взрыв на марафоне не считать за хулиганскую выходку, то возможно, террористы работали конкретно на масштабность мероприятия. Большое количество народа, соответственно, вызвало моментальное появление всеобщего хаоса и паники. Член комитета Палаты представителей по внутренней безопасности США Билл Китинг сделал заявление, в котором говорится, что «атака была искусной, хорошо спланированной и скоординированной». Кто знает, может быть целью террористов было – заставить вновь вздрогнуть США после жуткой трагедии 11 сентября 2001 г.?

Что касается работы служб безопасности после прогремевших взрывов, то все они постарались сделать все максимально, быстро и четко, дабы успокоить взволнованных и испуганных людей. Жителей Бостона, сгрудившихся у финиша, полиция стала загонять в близлежащий отель «Мандарин» и длительное время не выпускала их на улицу опять же ради обеспечения их собствен-

ной безопасности. Также следует отметить оперативность работы компании «Google», которая сделала жест доброй воли, организовав «службу поиска личностей». Люди, разыскивающие своих родных и близких, могут включаться в эту систему.

В итоге, среди погибших оказались Мартин Ричард, восьмилетний мальчик, мама и сестра которого получили серьезные ранения, гражданин Китая Лингзи Лу и гражданин США, выпускник Бостонского университета Кристл Кэмпбэлл. 176 человек были доставлены в больницы с ранениями различной степени тяжести, состояние 17 людей расценивается как критическое.

Известно, что, по последним данным российских дипломатов, которые незамедлительно после теракта прибыли в Бостон, среди пострадавших российских граждан нет. На участие в Бостонском марафоне подали заявки 24 гражданина России, из них на старт вышли 19, а к финишу пришли 16. Трое находились на дистанции в момент взрывов. С семьей Козмовых (Александром и Натальей) связались моментально, а вот с Юрием Беляковым так не удалось выйти на связь.

Но по сложившейся традиции, Бостонский марафон является, так сказать, «первооткрывателем» среди ежегодно проводящихся соревнований по бегу. Следующим по списку идет Лондонский марафон, чей престиж и масштабность отнюдь не уступает Бостонскому.

Ежегодный лондонский марафон (Virgin London Marathon) – это не просто спортивное мероприятие, это одна из самых длинных уличных тусовок в мире. Гром барабанов, уличные представления, посиделки в пабах и крики веселящейся толпы – все это сопровождает уличное прохождение спортсменами марафонской дистанции в 26,2 мили. Первый забег был проведен

в 1981 г. по инициативе призёров Олимпийских игр по стипль-чезу Криса Брашера и Джона Дисли. С тех пор он проходит ежегодно и в 2013 г. обещает стать самым сильным по своему составу, участие в нем примут именитые спортсмены. Однако, несмотря на трагические события в Бостоне, организаторы Лондонского марафона уверенно заявили, что 21 апреля 2013 года спортивные соревнования по бегу состоятся. Министр спорта Великобритании Хьюг Робертсон (Hugh Robertson) сказал в интервью ВВС, что «самый лучший способ продемонстрировать протест против террористического акта в Бостоне – выйти на улицу, проводить соревнования так, как это было запланировано». Поэтому меры безопасности на Лондонском марафоне в этот раз будут усилены. К тому же, что у Лондона уже есть колоссальный опыт проведения таких масштабных спортивных мероприятий (Олимпийский игры 2012 года) и, соответственно, обеспечение их безопасностью. Участники Лондонского марафона почтут память жертв в Бостонском минутой молчания, а также наденут траурные ленточки.

Как пройдет Лондонский марафон? Покажет только время. Несмотря на то, что уже сейчас американские следователи изучили фото- и видеоматериалы с Бостонского марафона, и у них уже есть несколько подозреваемых, и меры безопасности в Лондоне будут усилены, все равно существует риск очередного теракта.

Беда (в жестоком облики теракта) может нагрянуть, что называется, в любой час и любую секунду. Какими бы техническими средствами не были оснащены службы безопасности и какими бы агентурными сетями они не владели, современный мир все равно остается неподвластным абсолютному контролю.

При написании данной публикации ее автором были использованы следующие интернет-источники:

<http://www.ntv.ru/novosti/562537/video/>

<http://www.bfm.ru/news/213896>

http://ru.wikipedia.org/wiki/Взрывы_на_Бостонском_марафоне

<http://www.etoday.ru/2009/04/world-marathon-majors.php>

<http://www.mk.ru/incident/article/2013/04/16/842141-vzryivyi-na-finishe-bostonskogo-marafona-kak-eto-byilo.html>

<http://calendar.onru.ru/1984/04/17>

<http://pda.utro.ru/articles/2013/04/16/1113689.shtml>

<http://news.infobot.ru/detail/136613537700000676233.html>